

Анатолий Дроздов

ГОСПОДИН ВОЕНЛЁТ

Анатолий Федорович Дроздов

Господин военлет

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57139143
Господин военлет: 1С-Публишинг; Москва; 2020

Аннотация

В предлагаемом романе автор обращается к событиям Первой Мировой войны, достоверно воссоздавая атмосферу того времени. Повествование ведётся от первого лица – от имени сверхсрочника Вячеслава Петрова, лейтенанта российского спецназа. Во время службы на Северном Кавказе он уничтожил группу так называемых «чёрных вдов», но был предан собственным начальством и оказался в плену у бандитов. Ему удаётся совершить побег, вот только сбегает он... в прошлое, поочерёдно перемещаясь в тела воинов, павших на поле боя. Пройдя через цепочку воплощений, он в конце концов оказывается в теле прапорщика Павла Ксаверьевича Красовского, военного летчика времён Первой Мировой войны. Зная, к чему приведёт Российскую империю участие в этой войне, Петров-Красовский вмешивается в ход событий. Удастся ли «господину военлёту» спасти Россию? Обретёт ли душа погибшего солдата заслуженный покой? Читайте захватывающую историю об удивительных перевоплощениях героя, о его нелёгком выборе между совестью и долгом.

Содержание

От автора	4
1	9
2	32
3	56
4	73
5	92
6	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Анатолий Дроздов

Господин военлет

От автора

Начиная работу над этой книгой, я не предполагал, с какими трудностями придется столкнуться. Первая мировая война и участие в ней России не получили надлежащего освещения в трудах отечественных историков. Что уж говорить о таком специфическом направлении, как применение на фронтах новейшего для того времени вида войск – авиации!

Я не смог бы написать этот роман, если б не помощь замечательных людей. Петербуржец Борис Степанов стал моим научным консультантом и редактором. Он же подсказал ряд эпизодов, вошедших в текст. Алексей Лукьянов и Андрей Муравьев помогли мне с историческими источниками. На сайте «Авиация Первой мировой войны» и на моей страничке в Самиздате читатели давали автору добрые советы, обращали его внимание на ошибки и неточности. Огромное им всем спасибо!

Нас ждали за перевалом.

Группу выгрузили правильно, с имитацией высадки в раз-

ных местах, но территория противника – вещь непредсказуемая. От чужого глаза застраховаться трудно: в горах все видно издалека. Пастух ли нас заметил или женщина, не принципиально – сигнал пошел. Но, скорее всего, маршрут сдали. Черноголовые точили на группу зуб, вопрос приобрел материальные контуры. За деньги на Кавказе продают все, в том числе секретную информацию.

Мы вышли на перевал, но спускаться не стали. «Зеленка» внизу мне не понравилась. Когда тебе не раз и со вкусом портили шкуру, охота переть наудачу пропадает. Мы залегли, и я долго рассматривал заросли. Внизу было спокойно и тихо. Слишком спокойно и тихо, на мой взгляд. Время шло. Мы отставали от графика; следовало идти либо поворачивать. Возвращение без веских причин сулило неприятности: чем-то надо его объяснить, а предчувствия бездоказательны.

– Силин, – обратился я к Сашке, – проверь!

Он передернул затвор и спустился по склону. Мы взяли «зеленку» на прицел. Прошла минута, другая, третья... Все было спокойно. Сашка показался из зарослей, мы облегченно вздохнули. Ребята защелкали предохранителями. Шестое чувство заставило глянуть в бинокль. Лицо у Силина кривилось. Я понял: он обнаружил засаду. Сашка не стал шуметь, надеясь вернуться к своим, – это был его единственный шанс. Шанса ему не дали. Черноголовые не дураки, язык наших жестов знают. Сашка не подал знак «Все спокойно!», он не хотел нас подставить, но тем самым подписал себе при-

говор. Треснул выстрел, Сашка упал, а на перевал обрушился огненный вихрь. Ударили гранатометы, застучал ПКС, затрещали автоматы. В следующий миг из «зеленки» вывалили «духи» и, стреляя на ходу, рванули по склону. Мчались они, как олени, – наверняка предварительно ширнулись. Помедли мы минуту, и они бы добежали.

Выручил Ванюков. Заметив, что командира ранило, он не стал ждать приказа. Его ПКС заработал, поливая склон свинцом. Абреки легли, многие – навсегда. Ванюкова поддержали автоматы ребят, на склон полетели гранаты. Уцелевшие «духи» нырнули в «зеленку», и мы прекратили огонь – боеприпасы следовало беречь.

Выбора у меня не осталось. О задании можно забыть, следовало позаботиться о спасении группы. Силин погиб, половина из четырех оставшихся, и я в том числе, не могли двигаться. Я переключил связь на открытый канал и вызвал «вертушки». Я надеялся, что абреки нас прослушивают. Вторую атаку мы бы не пережили, а «вертушек» они боялись. Я не ошибся: меня услышали.

– Эй, Петров! – раздался в радиии гортанный голос. – Ты жив еще?

– И даже здоров! – ответил я. Это было враньем, однако абреку знать правду не обязательно.

– Много у тебя «двухсотых»?

– Приди и посчитай! – предложил я.

– Мы придем! – пригрозил он. – Приготовься! Не забудь

снять штаны!

– Ай, Ахмед, ты только обещаешь! – сказал я голосом капризного педераста. – Только своих мальчиков и любишь! Они, наверное, горячие, как все кавказские парни, и попки у них мягкие.

Назвать горца педерастом – тягчайшее оскорбление. Я сознательно провоцировал Ахмеда – нужен был разговор. Пока люди говорят – оружие молчит. У меня не вышло. Ахмед – волк тертый, не первый год в эмирах. Я услышал, как он засопел, но все же справился.

– Зря тянешь время, лейтенант! – сказал Ахмед. – Не надейся – твои «вертушки» нас не достанут! Мы уйдем, но с тобой еще свидимся!

– Буду ждать! – ответил я томно. – Зажгу лампу, поставлю на окно. Не забудь постучать, милый!

Он плюнул и отключился; я – следом. Я не слышал, как прилетели «вертушки». Очнулся в госпитале, на перевязке. Медсестра отдирала присохшие бинты.

– Ишь ты, еще ругается! – сказала, накладывая свежий бинт. – Спасибо бы сказал! Еле живого привезли – всем отделением спасали!

– Спасибо! – поблагодарил я.

– То-то! – буркнула она и стала менять мне белье. Сестра была немолодой и действовала ловко. Через минуту я лежал перед ней, как Адам перед Создателем.

– Тебе сколько лет? – спросила сестра, разглядывая меня.

– Двадцать три.

– Когда ж ты успел? Живого места нету, одни шрамы на теле. Как на пляж покажешься?

– Заменяем тело! Попрошу у государства бесплатное.

– От него дождешься! – вздохнула она. – Дурные вы, пациенты! Лезете под пули – ради кого?!

Я засмеялся. Меня не тронуло ее ворчание. Я был счастлив оттого, что выжил, что лежу в госпитале, где можно отдохнуть, поваляться на свежих простынях и забыть хотя бы на время о проклятой войне. Срок командировки истекал через полгода, и я всерьез рассчитывал: воевать мне недолго. Медсестра сказала правильно: дурной...

1

«...Ты будешь умирать долго, гяур!»

Голос хриплый, каркающий, знакомый. Чтоб ты сдох, черноголовый! Обязательно каркать при каждом моем воплощении?

Приоткрываю глаза. Вижу дощатый потолок, вымазанный белой краской. Почему мне пришло в голову слово «вымазанный», а не «выкрашенный»? Не знаю. Пусть... Оштукатуренные, побеленные стены. Неплохо. Осторожно осматриваюсь. Я лежу в кровати, прикрытый байковым солдатским одеялом. Скашиваю взгляд: на одеяло изнутри выпущен край свежей простыни. Под головой подушка – мягкая! Повезло мне нынче, ох как повезло!

Шевелю пальцами рук и ног – подчиняются. Сгибаю ноги в коленях, затем обнимаю себя руками. Получается. Руки-ноги слушаются, ничего не болит, ран нет. Легкая слабость в теле, но это всегда поначалу. По воле старого чудодея я снова воскрес в теле умершего воина. Пора подниматься!

Рывком сбрасываю одеяло, сажусь, упираясь спиной в подушку. На мне только белье: рубаха и кальсоны. Кальсоны с завязками, последние распущены. Завязываю их, шарю взглядом по сторонам. На гвозде, вбитом в стену, висит серый халат, даже на вид теплый. Где обувь? Наклоняюсь и заглядываю под кровать. Есть! Нечто вроде галош, только ко-

жанных. Лево́й руко́й (почему лево́й? я тепе́рь лево́ша?) вытаскиваю опорки (вот и название вспомнилось), всовываю в них ноги. Нормально. Встаю, снимаю с гвоздика халат. Руки не сразу находят рукава – отвык. Запахиваюсь.

С соседней койки за моими манипуляциями с нескрываемым любопытством наблюдает человек в нижней рубахе и форменных военных галифе. Штанины галифе необъятной ширины, на ступнях толстые шерстяные носки. Почему-то хочется назвать их чулками. Под койкой незнакомца стоят ботинки и лежат какие-то странные голенища с ремешками. На подоконнике кожаная каска с большим двуглавым орлом и кокардой спереди. Лицо у незнакомца молодое, простоватое; коротенькая, вихрастая челка зачесана на аккуратный пробор, виски выбриты. Больше в комнате никого нет, две соседние койки пустыют. Вежливо киваю соседу, иду к двери – пора осмотреться.

За дверью широкий коридор. Пахнет чем-то резким, больничным. Карболка? Шагаю коридором. Никем не остановленный, распахи́ваю наружную дверь. В лицо ударяет сырой, напоенный влагой воздух. Я стою на широком крыльце, обрамленном некогда белыми, а ныне обшарпанными колоннами. Просторный двор, внутри – несколько повозок, крытых брезентом, возле повозок суетятся люди в суконных шинелях, защитного цвета фуражках и серых мерлушковых папахах. Липы вдоль ограды стоят черные, без листьев. Сейчас весна? Или осень?

Никто не обращает на меня внимания. Спускаюсь по ступенькам и рысцой бегу к дощатому сооружению в дальнем конце двора. Назначение сооружения угадывается без подсказок. Внутри слезоточивый запах хлора и белая извесь, посыпанная вокруг прорезанных в доске дырок. Желтая струя ныряет в ближнее отверстие. С облегчением вас!

Обратно возвращаюсь не спеша. Здание, откуда я вышел, двухэтажное, с неуклюжим портиком и колоннадой, по бокам – одноэтажные флигели. Железная крыша вымазана (опять это несвойственное мне слово «вымазана»!) зеленой краской. Посреди крыши – большой белый квадрат, внутри него – красный крест. Такие же кресты на защитном брезенте повозок. Понятно: госпиталь, война. Я снова попал по назначению...

На крыльце переминается с ноги на ногу сосед по палате – вышел следом. Любопытный! На плечах его такой же халат, на ногах похожие опорки. Заметив меня, вихрастый лезет в карман и достает плоскую картонную коробку. Папиросы! Господи, сколько же я не курил?! Он ловит мой взгляд.

– Не желаете? – протягивает коробку.

– Благодарю!

Осторожно беру папиросу, пальцы привычно сминают мундштук. Вихрастый чиркает спичкой. Благословенна ты, первая затяжка! На мгновение все вокруг плывет, но постепенно очертания предметов восстанавливаются. Сосед смотрит тревожно. Киваю: все в порядке.

– Военлет, поручик Рапота Сергей Николаевич! – говорит сосед и добавляет: – Можно просто Серж!

«Военлет», «поручик»... Куда меня занесло на этот раз, чье погибшее тело воскресила моя душа? Рапота смотрит вопрошающе, и я признаюсь:

– Я не знаю, как меня зовут.

Лицо его вытягивается.

– Не помню, – поправляюсь я. – Может, вы знаете?

Он качает головой:

– Вас привезли вчера. Раздели в приемном покое, мундира вашего я не видел. Но поскольку положили к нам в палату, значит – офицер. Контузия?

Развожу руками.

– Контузия! – заключает он уверенно. – Раз не помните. Германец вчера Осовец из орудий обстреливал. Там вас и контузило, больше нигде.

Германец?

– Как зовется это место, Сергей Николаевич?

– Можно просто Серж. Или Сергей...

Он краснеет, и я вдруг понимаю: поручику от силы лет двадцать. Или двадцать один. А мне?

– Так как, Сергей?

– Белосток! Раненых из Осовца везут в Белосток. Крепость под огнем.

– Какой сегодня день?

Удивление мелькает на его лице, мгновенно сменяясь по-

ниманием.

– Четырнадцатое апреля тысяча девятьсот пятнадцатого года от Рождества Христова...

Вот и определились...

Бросаем окурки и возвращаемся в палату. Явление второе: те же лица плюс юное создание. У создания пухленькое личико, такие же губки, вздернутый носик и голубые глаза. Наверное, здесь это считается красивым, раз милое создание держится надменно. На нем белая косынка, серое платье до пола и такой же белый передник. Под грудью на переднике – большой красный крест.

– Кто вам разрешил вставать, больной?

Оглядываюсь. Поручик Рапота сидит на койке и делает вид, что не при делах. Вопрос адресован мне.

– Кто разрешил? – не отстает создание.

Хм... В самом деле, кто?

– Почему молчите?

– Думаю. Не помню, чтобы по прибытии в госпиталь мне говорили о необходимости спрашивать разрешения.

– Как вы можете помнить?! – возмущается создание. – Вас же без сознания привезли!

Внимательно осматриваю стены. Создание едва не подпрыгивает от негодования. Указываю на стены рукой.

– Здесь не написано, что я должен спрашивать.

Рапота за моей спиной фыркает. Создание багровеет.

– Вы! Вы...

Затем исчезает, топоча каблучками.

– Улетела за подмогой, – комментирует поручик. – Сейчас прикатит тяжелая артиллерия. Берегитесь!

Хмыкаю и сажусь на койку. Уже дрожу...

– Оленька – хорошая барышня, – говорит Сергей со вздохом, – только избалованная. Столько внимания! В госпитале полно мужчин, да еще рядом штаб корпуса...

По лицу поручика легко понять, что среди тех, кто уделял Оленьке внимание, был и он. Видно, девушка им не заинтересовалась...

За дверью слышны тяжелые шаги – артиллерия на марше. Вот она вкатывает в палату – большая, грузная. Солидный живот едва прикрыт форменным кителем, двойной подбородок, большущий крючковатый нос. Видали мы такие шнобели! Но этот парень не с Кавказа, его предки из более южных мест... На плечах гостя узкие погоны с одним просветом, звездочек нет. Майор? В начале двадцатого века майоров не было, был чин полного капитана, тогда и погон чистый. Тоже не слабо.

Следом за офицером идет Оленька. Лицо ее излучает торжество: «Сейчас тебе покажут, грубиян!» Оленька тащит стул от стены, капитан грузно усаживается.

– Ну те-с...

Молчу.

– Пришли в себя? Давно?

– Полчаса назад! – подсказывает Рапота.

– Как самочувствие?

Молчу. Капитан понимает это по-своему.

– Извините, не представился. Коллежский ассессор Розенфельд Матвей Григорьевич, начальник госпиталя. Это, – кивок за спину, где топчется юное создание, – сестра милосердия Ольга Матвеевна Розенфельд, по чистой случайности моя дочь... – Розенфельд смеется – видно, что шутка ему очень нравится. Лицо Оленьки, наоборот, кислое. – Вы? – Розенфельд смотрит на меня.

– Не помню.

– Что конкретно? Имя, звание, полк?

– Совсем ничего.

– Снимайте рубаху!

Подчиняюсь. Розенфельд вкладывает в уши блестящие наконечники стетоскопа и прижимает холодный кружок к моей груди. Слушает долго, ворочая меня и заставляя то дышать, то не дышать. Затем извлекает из кармана блестящий молоточек и выстукивает суставы. После водит молоточком перед глазами, заставляет показать язык.

– Странно... – бормочет, пряча молоточек. – Сердце здоровое, дыхание чистое, рефлексy в норме. Помните, что с вами произошло?

– Нет.

– Разорвался тяжелый снаряд, совсем рядом. Вас отбросило на несколько сажен. Вас сочли убитым и приготовили к погребению вместе с остальными... Батюшка читал заупо-

койную, а вы вдруг шевельнулись... Когда вас доставили в госпиталь, я счел дело безнадежным. А вы здоровы! Прямо чудесное исцеление!

Не в первый раз...

– Ах да, память... – спохватывается он. – Полная амнезия.

Это пройдет.

– Как меня зовут, доктор? Не подскажите?

– Охотно. Красовский Павел Ксаверьевич, прапорщик Ширванского пехотного полка, – Розенфельд вопросительно смотрит на меня. – Вы сын промышленника и потомственного почетного гражданина Красовского Ксаверия Людвиговича. Учились в Лондоне коммерции, но с началом войны вернулись в Россию и поступили вольноопределяющимся в школу прапорщиков в Петергофе. Оттуда в марте сего года выпущены в Ширванский полк.

– Вы много обо мне знаете!

– Не удивительно. Мы – родственники.

Этого не хватало! С носатым и обрезанным?..

– В самом деле?

Розенфельд кивает:

– Моя покойная жена приходилась кузиной Надежде Андреевне, вашей... – он умолкает и встает. – Это не важно. Поправляйтесь!

– Могу я попросить?

– Что?

– Зеркало!

Розенфельд смотрит на дочь. Оленька достает из-под передника маленькое зеркало, подносит. На меня смотрит худое, слегка скуластое лицо мужчины лет двадцати пяти. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза, прямой нос, тонкие губы... Не красавец, но сгодится. На подбородке и щеках густая щетина. Трогаю рукой.

– Пришлю санитаря – он побреет! – говорит Розенфельд.

Ольга прячет зеркало.

– Благодарю, кузина!

Оленька возмущенно фыркает. Розенфельд смеется и направляется к двери.

– Матвей Григорьевич!

– Да? – Он останавливается.

– Можно мне одежду? Не привык разгуливать в кальсонах.

– Вы о мундире? (Господи, конечно же, мундир!) Я распоряджусь. Да, совсем забыл! Мне телефонировали, спрашивались о вашем здоровье. Сказал, что пришли в себя. Ждите гостей.

Розенфельды уходят, и почти тотчас появляется солдат с тазиком и бритвенными принадлежностями. Мне намазывают лицо и начинают скоблить кожу опасной бритвой. Правильно бритву давненько. Больно, но терплю. Солдат собирает остатки пены полотенцем, но не уходит.

– Вот, ваше благородие, теперь другое дело, – бормочет, переминаясь с ноги на ногу. – Прямо десяток лет скинули...

Подскочивший Рапота сует ему пару монет.

– Благодарствую, ваше благородие! – солдат исчезает.

– Спасибо, поручик!

– Ерунда! – машет он рукой. – Ваши вещи в кладовой, а санитары привыкли. Не дашь – в следующий раз изрежут...

Вещи приносят скоро. Первым делом заглядываю в бумажник. Две красненьких и одна синенькая бумажка, несколько монет. Не густо, но на бритье хватит. Возвратить поручику долг не решаюсь, обидится – вон как смотрит! Облачаюсь в мундир. Его почистили, выгладили, причем недавно: ткань теплая и пахнет утюгом. Шаровары, китель – все впору, по всему видать: шили на заказ. Форма из шерстяной ткани, плотной и теплой. Диагональ... По весеннему времени в самый раз. На груди какой-то эмалевый значок на винте. Что это – жетон или орден? Натягиваю сапоги и хожу по палате. Поручик смотрит с улыбкой.

– Прапорщик Красовский Павел Ксаверьевич! – шелкаю каблуками и бодаюсь головой, как белогвардейцы в кинофильмах. – Хорошо б отметить исцеление!

Рапота смеется, затем вздыхает:

– Водки не купить. Только в ресторанах первого класса.

Совсем забыл! Его императорское величество изволили с началом войны запретить в России продажу спиртного. Патриотические чувства должны быть трезвыми. Его величество был добрым человеком, но недалёковидным. Не он один. Позже на эти грабли наступят американцы, затем сно-

ва мы – уже при Горбачеве.

Приносят обед. Почему-то называют «завтраком», хотя на часах полдень. На моих карманных часах. Серебряная изящная луковка с гравированной крышкой. Под крышкой белый циферблат с римскими цифрами и надписью «Павель Буре». Цепочка, дарственная вязь на задней крышке: «Дорогому Павлуше!» Не забыть завести – это не кварц...

На «завтрак» сегодня мясные щи и гречневая каша с большим куском вареной говядины. Вкусно! Однако поручик едва ковыряет – видно, что надоело. Наверное, меню госпиталя разнообразием не отличается. А вот нам в самый раз! Опустошив тарелки, подхожу к окну. Во двор въезжает экипаж – как его здесь называют? Дрожки, пролетка – черт их разберет! На землю спрыгивает щеголевато одетый офицер с четырьмя звездочками на погонах модного френча и адъютантским аксельбантом. В руках – огромный букет, завернутый в цветную бумагу. Похоже, розы...

– Штаб-ротмистр князь Бельский из штаба корпуса! – поясняет за спиной Рапота. – К Оленьке приехал.

– Жених?

– Жених у нее в Галиции, поручик артиллерии. Бельский – воздыхатель.

– Счастливый?

– Сами увидите.

Бельский исчезает в дверях, но скоро появляется снова. Без букета и с мрачным лицом. Всклакивает в коляску (ага,

это коляска!) и уезжает. Постепенно адаптируюсь, нужные слова «вспоминаются».

– А фронт! – смеется Рапота. – Ишь, разогнался! Думал: раз из князей и при штабе...

Поручик не скрывает радости, мне тоже почему-то приятно.

Едва прилегли – стук в дверь. В приоткрытой щели – голова. Густо смазанные маслом волосы расчесаны на прямой пробор.

– Павел Ксаверьевич, позвольте?!

Делаю приглашающий жест. Сегодня я популярен. В палате возникает угодливо сторбленная фигура с корзинкой. Физиономия прямо лоснится от подобострастия.

– Боже, как вы похожи! – фигура ставит корзинку и заламывает руки. – Вылитый батюшка! Те же глаза, брови...

Делаю знак заткнуться – понимают сразу.

– Тихон Евстафьевич, агент вашего батюшки в Белостоке, – рекомендуется фигура. – Ксаверий Людвигович наказали за вами приглядывать...

Поднимаю брови.

– Я хотел сказать «сообщать», то есть держать батюшку в курсе... – агент путается.

– Короче, Склифосовский!

– Залесские мы, – поправляет фигура. – Я как узнал о контузии, сразу телеграфировал вашему батюшке, они велели сходить и разузнать. Гляжу, а вы здоровенький! И доктор так

говорит... Счастье-то какое!..

Похоже, опять заломит руки. Выразительно гляжу на корзину. Залесский-Склифосовский подносит ее ближе.

– Не побрезгуйте, ваше благородие! Впопыхах собрал. Что под рукой оказалось.

– Не побрезгую. Можешь идти!

– Что передать батюшке?

– Скажи: здоров, чего и ему желаю!

– Они так обрадуются, так обрадуются! – фигура исчезает за дверью.

Откуда у меня хамский тон? Обругал человека, за дверь выставил. Ну и он... «Как вы похожи!» На кого? Придвигаю корзину и поднимаю салфетку. Так... Жареная курица в воценой бумаге, ветчина, нарезанная толстыми ломтями, белый хлеб, коробки папирос, еще какая-то закусь... А это что? Бутылка в форме графина, внутри колыхается коричневая жидкость...

– Коньяк, шустовский?! Довоенный... – завистливый вздох над плечом. Работа.

– Попробуем?

– Не здесь! – говорит он шепотом. – Увидят – не избежать скандала. Оленька на вас сердита, да и другие сестры не любят. Лазарет – не кабак, – достает часы, отщелкивает крышку. Часы у поручика карманные, никелированные, большие. За версту видать, что дешевые. – В три пополудни кончится тихий час, сестры займутся процедурами, и никто не заме-

тит, что мы ушли. Тут неподалеку славное местечко...

Вновь укладываюсь на койку, закрываю глаза. Хлопотный выдался день...

«Они убили солдатика Бомона!»

Пацаном я обожал этот фильм. Французский диверсант, отправленный в Африку убить диктатора, предан своим начальством и выдан врагу. Суд, скорый и неправый, тюрьма, побег... Через два года Бомон в Париже – платит по счетам. Спецслужба-предательница поднята на ноги, но Бомон неуловим. Африканский диктатор искусно подставлен под выстрел тупого спецназовца, выяснены отношения с неверными другом и женой. Под печальную музыку Марикконе Бомон идет навстречу смерти: ему незачем жить...

Они убили солдатика Петрова...

Вышло не так красиво, как у Бомона, – можно сказать, совсем скверно. Кино и жизнь соотносятся плохо. «Солдатику» Петрову внушили: Родина озабочена мятежом в горном крае, там нужен конституционный порядок. Что понимал в политике юный лейтенант? Откуда знать ему, что Родина – понятие слишком обширное, а представляют ее отдельные лица? Или морды: лоснящиеся от жира, с вороватыми, бегающими глазками?

Лейтенанта с пятью солдатами выбросили в горах с зада-

нием перекрыть дорогу и ждать. При появлении «уазика» без номеров задержать всех пассажиров, при попытке сопротивления – уничтожить. Разведка не подвела – «УАЗ» появился в указанное время. А вот дальше пошло не по плану. Получив сигнал остановиться, «УАЗ» прибавил скорость и снес жердь, изображавшую шлагбаум. Однако за шлагбаумом лежал в секрете сержант Ванюков с пулеметом Калашникова и четким приказом, что делать...

Когда мы подбежали, «УАЗ» стоял, уткнувшись радиатором в дерево, а пассажиры плавали в крови. Вернее, пассажирки. Из пяти человек в машине мужчиной был только водитель. Мы вытащили их на траву – две женщины еще дышали. Юные, испачканные кровью лица... Я связался с базой.

– Спокойно, Петров! – раздался в наушниках знакомый голос майора. – Они не остановились, ты открыл огонь. Все по инструкции. Завершай работу и уходи.

– Что значит – «завершай»?

– «Трехсотых» сделай «двухсотыми», что тут непонятного?

– Это женщины!

– Кому женщины, кому – «черные вдовы»! Мы эту группу два месяца пасли. Выполняй приказ, Петров!

Я хорошо знал, кто такие «черные вдовы». У командиров абреков имелись целые гаремы – религия и деньги позволяли. Время от времени и не без нашей помощи командиры отправлялись к аллаху, а юных вдов брали в оборот. Не в

том смысле, как вы подумали. Девчонок прессовали, уверяя, что они должны отомстить за мужей, и лучше – ценой своей жизни. Это гарантирует воссоединение с любимым в раю. Полуграмотные девки верили. Вдовы становились живыми бомбами, подрывавшими гяуров, то есть нас. Поначалу только солдат, впоследствии террор распространили на мирные города России. Четыре обезвреженные «черные вдовы» – это десятки спасенных жизней. Солдатик Петров приказ выполнил...

Назавтра по западным каналам прошел душераздирающий сюжет о мирных жителях, расстрелянных на дороге убийцами-федералами. Окровавленные женские лица крупным планом, сгоревший «УАЗ». Машину мы не жгли – это сделали абреки, да только поди докажи! Сюжет показали и по российским каналам – с тем же комментарием. Иного ждать не приходилось: все знали, кому принадлежит родное телевидение. Возмущенные горцы требовали наказания виновных.

Поначалу я эти выступления не принял близко к сердцу: горцы постоянно возмущались и чего-то требовали. Им можно было все: выгонять русских из домов, грабить их, избивать, отрезать живым людям головы... Русским разрешалось лишь безропотно умирать. С точки зрения Запада и его марионеток в России, так было правильно.

Но я не понимал силы общественного мнения. Вернее, сноровки тех, кто его создает. У абреков пиаром заведовал

профессиональный актер, причем, как говорили, не бесталаный. Он выжал из ситуации все и даже больше. В Кремле решили лечь под Запад. Комбат защищал меня, как мог, но его сломали.

Нас арестовали и отдали под суд. Все прекрасно понимали, что происходит. Профессиональные судьи, ознакомившись с делом, отказывались нас судить – устроители спектакля созвали присяжных. Перед судом их «просветили»: жирные морды в обрамлении генеральских погон заявляли в телекамеры, что такие, как Петров, – позор российской армии, старший лейтенант и его подчиненные заслуживают сурового наказания. Но «морды» не знали свой народ – те, которые кормятся западными объедками, его никогда не знают...

Присяжные нас оправдали, единогласно. «Морды» в телеканалах выглядели кислыми, что-то бормотали о правовой неграмотности, но люди в зале суда ликовали. Нас обнимали, поздравляли и даже пытались качать. Западные каналы показывали это крупным планом, прозрачно намекая, что русские – нация убийц.

Из армии меня все же уволили, да после всего случившегося я и сам бы не остался. Я подыскивал себе занятие, как вдруг сообщили: готовится пересмотр дела. Но честные люди в России были всегда, только на больших постах их не часто встретишь. Мне вручили фальшивые документы, дали денег и велели лечь на дно.

Наверное, послушайся я, все бы утряслось. Но у каждого

своя мера... Рядом со мной никого не было. Кому быть у сироты, выросшего в семье тетки, где ему постоянно и с удовольствием напоминали, что он – лишний рот? Вместо того, чтоб тихо забиться в какую-нибудь Тмутаракань и сидеть как мышь под веником, я стал пить. Меня пытались урезонить, рассказывая о сумме, объявленной абреками за мою голову, – я не верил. Я знал, что абреки любят играть на публику: они покупают вскладчину добитый джип и ездят на нем по очереди, чтоб все видели, какие они крутые. Они будут грозить вырезать вашу семью, но стоит поймать их, как начнут дрожать и мамой клясться, что просто шли мимо. Они заявят о миллионе за вашу голову, чтоб все знали, какие они мстительные, но если кто вдруг поверит и придет за деньгами, ему ответят, что он не туда зашел.

Я снова недооценил бывшего актера. Он решил, что суд по обычаю гор выигрышнее российского. Убедил спонсоров. По диаспорам в России пошла информация... Если человек сидит дома, не высовываясь за порог, найти его трудно. Продукты мне приносили, но за водкой требовалось ходить. Как сохранить инкогнито человеку, лицо которого часто и крупным планом показывали по телевизору? Когда я возвращался с очередной добавкой, ко мне подошли. Случись это месяцем раньше, я бы отбил: бандитов было всего трое, а стволами они могли маму пугать: у подъезда жилого дома стрельба – дело стремное. Милиция приехать может... Завязалась драка, и мышцы, ослабевшие за месяц пьянства, под-

вели. Меня двинули по голове рукояткой пистолета, запихнули в машину, а уж там вкололи снотворное...

Очнулся я в яме. Где я и почему, объяснять не требовалось. В каждом ауле есть такие ямы, и не одна. Торговля людьми – давний бизнес этих мест, в девяностые он пережил невиданный подъем. Меня похитили не мстители – те просто убили бы. Пленника следовало выгодно продать, а что с ним станет, абреков не волновало. Мне предстояло жить ровно столько, сколько времени уйдет на торг. Судя по тому, что говорили прятавшие меня друзья, торг не должен был затянуться.

Надо мной не издевались, не били – продавцам это без нужды. Меня даже сносно кормили; не досыта, конечно, но и не голодал. Похитители были разумными людьми: чем лучше выглядит товар, тем дороже стоит. Я даже не плавал в нечистотах: в яме стояло помойное ведро, куда я справлял естественные надобности. Раз в сутки ведро подымали на веревке и возвращали пустым.

О чем я думал в той яме? Ни о чем. Мелькало легкое сожаление, что не доживу до первого юбилея – в январе мне исполнялось 25. Но больше хотелось, чтоб смерть пришла быстро. Умом я понимал: это невозможно. За такие деньги и чтоб просто убить? Черноголовые устроят представление, они это любят. Будут кривляться, надувать щеки, зикр станцуют. Потом примутся резать... Однако человеку свойственно мечтать, вот я и мечтал. Убить себя я не мог – нечем. Но-

жа нет, бритвенного лезвия тоже, даже иголки нет – на этот счет меня обыскали тщательно. А вот шнурки на ботинках оставили. Петлю сделать было нетрудно, только за что зацепить? И все жегодились мне те шнурки...

На седьмой день – в яме было постоянно темно, и я считал дни по вынесенным ведрам – в яму скинули лестницу. Ко мне спустился гость. Я ожидал бородатого абрека, обвешанного оружием, и на всякий случай приготовился, но это оказался старик. Маленький, тщедушный, с гладким подбородком. Даже в той ситуации меня кольнуло: «черный» – и без бороды? Лицо старика покрывали морщины; сколько ему лет, я толком не разглядел – темно было. В руках старик держал какую-то плошку с фитильком – какой от нее свет? И хорошо, что это была плошка: от фонаря я бы ослеп. Старик поставил плошку на земляной пол, сел и поджал ноги. Я подумал и устроился напротив. Плошка горела посредине, не то разделяя нас, не то объединяя.

– Ты убил женщин из прихоти? – спросил старик. Голос у него был на удивление молодой, и по-русски он говорил чисто.

Я утвердительно кивнул. Какая разница?

– Сам?

Снова кивок.

– Врешь! – спокойно сказал старик.

Я не стал спорить. Вру – так вру.

– Выгораживаешь друзей, – вздохнул гость, – берешь вино

на себя. Это достойно, но лгать не к лицу воину. Расскажи, как было!

Я подумал и рассказал.

– Так я и думал! – сказал гость по завершении. – Ты всего лишь исполнил приказ. Те, кто отдал его, были правы: в машине ехали «черные вдовы».

Я удивился: абреки утверждали совершенно другое.

– Одна из погибших – моя дочь, – сказал старик и притих.

Я молча смотрел на него. Мои глаза привыкли к свету, и я разглядел: борода у гостя просто-напросто не росла – всего лишь несколько волосков.

– Они забрали ее у меня, – продолжил старик. – Выдали замуж за эту скотину эмира. Вы убили его, и я обрадовался: дочь вернется ко мне! Ее не отпустили, а я не мог им помешать. Я плакал, когда узнал, к чему ее готовят. Аллах запретил убивать невинных, и дочь ждал ад. Ты уберег ее от самого страшного, однако стал моим кровником.

Я насторожился: в горах кровников режут.

– Я хочу, чтоб ты вернул мне дочь!

Старик был явно не в себе, и я успокоился.

– Покажи руку!

Я протянул ему ладонь. Он взял ее сухонькими пальчиками, развернул к огню и некоторое время рассматривал линии.

– Ты сможешь! – сказал удовлетворенно. – Ты сильный, но несчастный. Ненависть поведет тебя через страдания, а

потом ты поймешь... – Он извлек из кармана кувшинчик. – Пей!

Я медлил.

– Ты боишься смерти?

Я взял кувшинчик и опорожнил. Я надеялся, что это яд. Или хотя бы водка. Это не было ни тем, ни другим. Маслянистая, пряная жидкость протекла в желудок, и на мгновение меня повело. Но затем зрение вернулось, я почувствовал необыкновенную легкость в теле. Казалось, взмахни руками – и полетишь. Однако я твердо сознавал: не получится. Старик внимательно следил за мной, затем забрал кувшинчик и спрятал в одежде.

– Сегодня они сторговались, завтра ты умрешь! – сказал гость, вставая. – Ты воин, смерть встретишь достойно. Держи!

Это была «хаттабка» – самодельная ручная граната, популярная у абреков. Стандартный армейский запал, облегченный заряд. Удобно носить, легко применять. Маленькая, но смертельно опасная штучка. По убойной силе уступает обычной гранате, но в радиусе пяти метров не уцелеть. Я жадно схватил оружие.

– Почему вы мне помогаете?

Он остановился у лестницы, улыбнулся. В зыбком свете плоски улыбка показалась зловещей.

– Я помогаю себе.

– Почему вы не убили меня?

– Ты получил бы искупление, а я – остался без дочери. Она у меня единственная. Тебя убьют другие. Я не хочу, чтоб тебя резали, как барана, – ты этого не заслужил. Воину важно умереть достойно, скоро ты это поймешь. Соблюдай правила, и заслужишь милость.

Я не понял и показал «хаттабку»:

– Они могут узнать, кто дал ее мне.

– Никогда! – спокойно ответил старик. – Страж наверху забудет о моем приходе, а ты не скажешь. Воин, которого предали, сам не предает. Если он воин. Прощай!

В тот миг мне стало пронзительно стыдно, как будто меня уличили в постыдных мыслях...

2

– Павел Ксаверьевич! Господин прапорщик!

Меня трясут за плечо. Какого черта? Кто такой Павел Ксаверьевич и что он тут делает? Открываю глаза. Надо мной встревоженное лицо с вихрастой челкой. Поручик Рапота... Павел Ксаверьевич – это я.

– Вы скрежетали зубами и ругались во сне, – говорит Сергей, убирая руку с плеча. – Вам плохо? Позвать доктора?

– Все хорошо, поручик!

Он смотрит недоверчиво.

– Обычный кошмар. Вам не снятся?

Он отрицательно качает головой. Счастливчик!

– У нас с вами дело, – я чуть не сказал «мероприятие». – Уговор в силе?

– А вы... – он все еще сомневается.

Я смеюсь, и он улыбается в ответ.

– Пять минут четвертого! – Рапота щелкает крышкой часов. – Самое время!

Одеваемся и выходим в коридор. Здесь суета: ковыляют на костылях раненые, санитары несут носилки, пробегают сестры милосердия с утками и бинтами. Никому нет дела до выздоравливающих офицеров, решивших погулять. В руках у одного корзинка – тоже ничего удивительного. Выходим за ворота поместья, по пути Сергей объясняет, что эту усадьбу

реквизировали у владельца под госпиталь. Идем вдоль ограды и сворачиваем в парк. Деревья вдоль дорожки старые, с частыми узловатыми ветками. Листья только-только прогибаются, но даже сейчас в парке сумрачно. Почему-то приходит на память: «Темные аллеи». Так называлась книжка, которую я читал в госпиталях. Я там читал постоянно – больше заняться было нечем...

Аллея выводит нас на берег пруда – старого, сильно заросшего, но вполне живописного. На берегу стоит беседка с ажурными стенками из тонких реек. Кое-где рейки сгнили, образовав дыры. Деревья вокруг пруда стоят грустно и молчаливо. Странно, но это не портит очарования – в увядании тоже есть красота. Почему-то решаю, что владелец поместья не слишком переживал насчет реквизиции. Во-первых, ему заплатили: при царе с этим было строго. Во-вторых... Красота красотой, но я бы здесь от тоски загнулся!

– Правда, замечательное место! – радуется поручик. – Люблю здесь бывать. Сижу, курю, мечтаю... – он вдруг краснеет.

Делаю вид, что не обратил внимания. Разумеется, мечтаю. О подвигах, славе, Оленьке. В госпиталях мы тоже мечтали. Чтоб отпуск дали или сестра приголубила. Много нас было, раненых лейтенантов, всем сестер не хватало...

Накрываю столик салфеткой и выкладываю на нее закуски. Вот ведь Тихон Евстафьевич, и посуду не забыл! Зря грубил человеку! Тарелки, вилки, даже граненые стопки – все

в двух экземплярах! Увижу в следующий раз – расцелую. А вот штопора нет! В бутылке с коньяком винная пробка.

– Разрешите, Павел Ксаверьевич!

Поручик извлекает из ножен кортик. А я и не обратил внимания, что тот болтается у него на бедре. Граненый клинок вонзается в пробку. Сергей налегает на рукоятку, проворачивает, и пробка скользит внутрь. Аплодирую, Сергей смущается.

– В отряде научили!

Надеюсь, пить там тоже научили...

Разливаю коньяк по стопкам. Полагается тост. Как здесь принято: первым говорит младший по званию? Опять выручает Сергей.

– За ваше чудесное выздоровление, Павел Ксаверьевич! Вы не представляете, как я рад! Когда читаешь в газетах списки павших офицеров... Хоть кому-то повезло!

Простодушно, но искренне. Чокаемся, выпиваем. Коньяк хорош! В последний раз я пил нечто подобное две жизни назад. Мы захватили врасплох монастырь святого Клемен-та, и аббат сам открыл погреб. Никто не догадался, что папист ладит пакость. В бочке, указанной аббатом, был коньяк, вернее – коньячный спирт пятилетней выдержки. Мягкий, ароматный и безумно крепкий... Парни упились мгновенно, а на рассвете в монастырь ворвались драгуны герцога Лотарингского – аббат ночью отправил к ним гонца. Большую часть рейтаров зарезали сонными, а я, капитан и десяток са-

мых трезвых засели на втором этаже и отстреливались, пока были заряды. Потом... Что потом? Лотарингцы черных рейтаров в плен не брали, равно как и рейтары не брали лотарингцев. Герцог наемников не выкупал...

Поручик смотрит на меня вопросительно. Что-то я сегодня задумчив. Между первой и второй...

– Будем здоровы, Сергей Николаевич!

Третий тост за прекрасных дам. Дам поблизости не наблюдается, но все равно стоя и до дна. Стопочка на тыльной стороне запястья – прапорщик и поручик соревнуются, кто из них в большей степени гусар. За офицеров-фронтовиков – до дна! Стопочка на изгибе локтя. За военлетов – само собой! Стопочка на краю погона – там, где у птичек крылья, а у летчиков – эмблема. За докторов, что нас лечат, – обязательно, не то обидятся... Бутылка стремительно пустеет, а вместе с ней – и стол. Курица давно разорвана на части, кости обглоданы и выброшены под стол – собаки найдут. Ветчина в желудках укрыла нежную курятину. Осталась банка сардинок, Сергей пробует вскрыть ее кортиком. Не придержал бы я кортик, сардинки висели бы на всем, включая нас с поручиком. А в бутылке еще что-то болтается – долгоиграющий этот Шустов!

– Павел Кса... кса...

– Просто Павел, Серега!

– На брудершафт?

– Непременно!

Локти едут по столу, но с третьей попытки удается выпить на брудершафт. Серега целует меня пьяно, но искренне. Закуриваем. Серый дымок нехотя тает в вечернем воздухе.

– Хорошо, Павел!

– А то, Серега!

– Можно просто Серж...

Ради таких моментов и живем.

– Приходилось летать на аэроплане, Павел?

Лезу в карман. Днем я обнаружил в нем синюю дерматиновую книжечку с текстом на французском и своей фотографией – точнее, с фотографией бывшего владельца тела. Французский я знаю плохо – знание языков после «воскрешения» восстанавливается медленно. В книжечке что-то про авиацию.

– «Бреве», международное летное свидетельство! – Глаза поручика сейчас окажутся на затылке. – Ты авиатор! Но почему в пехоте?

Не знаю, я же контуженый...

– Где учился? В Англии? Во Франции?

Пусть будет в Англии.

– В Хендоне, Фанборо? На чем летал: «Авро», «Сопвич», «Блек Борн»?

Я и слов таких не знаю. Пусть будет «Сопвич», «Блэк-борн» мне не выговорить.

– «Сопвич-таблоид» – хороший аппарат; у соседей, в двадцать первом отряде, такой. Он пока опытный. Говорят, бу-

дут выделять в Петрограде у Лебедева. Французские аэропланы не хуже. В нашем отряде «Фарманы» и один мой «Буазен», недавно прислали. В школе учат на «Фарманах», а лучших выпускают на «Буазене», – поручик немного рисуется – похоже, что сам на фронте недавно. – Хорошие аппараты!

Этажерки с пропеллером. Видели! В кино.

Рапота не остановить, я и не пытаюсь. Его коротенькая биография предстает во всей красе. Сын машиниста-железнодорожника, решивший выбиться в люди. Кадетский корпус, который Серж оканчивает первым в выпуске. Привилегированное Михайловское артиллерийское военное училище в Санкт-Петербурге, пардон, Петрограде. С началом войны столицу патриотично переименовали. В училище Рапота снова в числе первых, далее казус. Выпускники по окончании курса получают чин подпоручика, но государь-император при поздравлении оговорился и назвал Сергея поручиком. Никто не осмелился поправить монарха, и Сергей выпущен на чин старше. Вот ведь как славно!

Везучий человек Серж! В училище я тоже был лучшим на курсе, но в мое время это не имело значения. Значение имело происхождение от «нужных» родителей, их связи...

Как лучший выпускник Сергей имел право на выбор вакансий, но он попросился в летное училище. Ему с детства хотелось в небо. К тому же летчики – это престижно! Жаль, что не может показать мне свой мундир – в отряде остался. На нем сейчас полетное обмундирование: кожаная курт-

ка и свитер под нею... Шлем остался в палате. В шлеме туля из пробки, а сверху прокладка из металлической сетки – для амортизации. Это, значит, если головкой приложится... Вместо шлема на голове Сержа – пилотка с кокардой, но не защитная, а черного бархата с алыми выпушками по краям, на тулье выложен крестом серебряный галун. Всем в армии положены сапоги, а авиаторам – ботинки с кожаными крагами: «Вот, смотри: правда, красиво?» Просто очарование! Знаю ли я, сколько летных школ в России? Откуда... Две! В Гатчине и Севастополе. Еще военлетов готовят в Москве, но это не то. Гатчинская школа – самая лучшая! Разумеется, ведь именно в ней учился поручик Рапота. У него есть нагрудный знак военлета: венок из лавровых листьев с наложенными на него крыльями и скрещенными мечами. В центре гербовый щит под короной с императорским вензелем. Знак в отряде на кителе остался. Зато на серебряных погонах куртки черные орлы – знак квалификации. Военлеты зовут их «мухами», но дорожат больше, чем наградами. Авиаторы без дипломов носят крылышки с пропеллером, их называют «утками».

Как Сергей попал в госпиталь? При посадке порыв ветра бросил аппарат вниз. Подломилось шасси, поручик вылетел из гондолы и приложился хребтом о сырую землю. Думали, перелом позвоночника, но, слава Богу, обошлось – только ушиб. Спина побаливает, но это ерунда. Разве пилоты не пристегиваются в полете? Пристегиваются только трусы –

поручик не таков. Его не раз обстреливала в полетах германская воздухобойная артиллерия и даже, по ошибке, своя. А наши солдатики, как увидят аэроплан, всегда палят: думают, что германский. В отряде в начале войны экипаж чуть не погиб – свои сбили.

Сергей ждет не дождется возвращения в отряд. Летчики теперь очень нужны – они добывают сведения более точные, чем кавалерия. Они бомбят германцев, корректируют артиллерийский огонь. Наступление германцев из Восточной Пруссии обнаружили авиаторы его отряда, благодаря чему наши подготовились. Завтра он попросит его непременно выписать...

– На посошок?

Сергей подставляет стопку. Прощай, Шустов! Оставив в беседке все как есть, бредем по аллее. Сергей не умолкает. Знаю ли я, кто у него начальник отряда? Леонтий Иванович Егоров, знаменитый русский летчик, он турок в Болгарии еще в 1912-м бомбил.

Что, интересно, мы делали в Болгарии в девятьсот двенадцатом? Куда только русских не заносит!

– Представляете, государь тогда запретил военным участвовать, так Леонтий Иванович вышел в отставку и таки уехал. Наш командир строг, но справедлив, господа офицеры и нижние чины его обожают...

– Оставьте меня! Пустите!

Женский крик! И голос знакомый... Делаю стойку, как ле-

гавая на дичь. Не нравятся мне такие крики...

– Помо... – крик обрывается. Медлить нельзя.

Срываюсь с аллеи и несусь сквозь кусты, проламывая их, как танк. Только б не ошибиться направлением! Далеко за спиной топочет поручик – бегаёт он куда хуже, чем летает. Влетаю на укромную полянку. Есть! На земле лежит женщина... Господи, Ольга! Подол платья задран до шеи, некто в военной форме, сопя, стаскивает с сестры милосердия белые панталончики. Уже почти стащил...

Носком сапога в бок! Насильник валится в сторону. Ба! Сам Бельский! Что ж вы, князь, так с барышней?! Еще разок – в живот! Отдохните, ваше благородие!

Оглядываюсь: за спиной застыл Сергей. Глаза у него, как блюдца.

– Помоги Ольге!

Медлит, смущенно отворачиваясь от белого женского тела. Все приходится самому. Раз – и панталончики на месте! Два – одернут подол! Три – усаживаем пострадавшую на землю. Лицо у Ольги бледное, она часто дышит. Знакомые симптомы – удар в солнечное сплетение. Это где ж князь так наловчился?

Поворачиваюсь. Бельский уже стоит, морщась от боли. Внезапно лезет в карман и выхватывает пистолет. Реакция у меня бессознательная. Прав был доктор: рефлекс в порядке. Отдайте пистолетик, князь – поранитесь! Передергиваю затвор и приставляю ствол к виску штабс-ротмистра. Госпо-

ди, ну и перегар! Я сам пьян, но этот!

– Ты! Скотина! – палец трепещет на спусковом крючке.

Лицо князя сереет. Спусковой крючок выбрал половину хода.

– Господин прапорщик! Пожалуйста!

Поворачиваюсь. Ольга на ногах, Рапота поддерживает ее.

Лицо сестры милосердия перекошено ужасом.

– Поручик, проводите барышню! Я с князем побеседую!

Она умоляюще складывает руки на груди. Я киваю: «Не беспокойтесь!» Сергей вежливо, но настойчиво уводит Оленьку, по пути она дважды оглядывается. Когда пара исчезает за кустами, я прячу пистолет в карман. Лицо князя приобретает нормальный цвет.

– Послушайте, прапорщик! – глаза его бегают, кончик языка лихорадочно облизывает губы. Похоже, протрезвел. – Мой дядя командует армией. Через неделю вы будете подпоручиком... Ничего особенного не произошло, ведь так? Подумаешь, пощупал жидовочку! Незачем приличного человека за нос водить! Строит недотрогу, блядь госпитальная!

Раз – и он падает навзничь. Тяжело ворочаясь, поднимается. Два – и снова спинкой о землю. Теперь комплект. Князю будет комфортно по ночам – собственные фонари под глазами. Гляди, снова поднимается ванька-встанька? В солнечное сплетение! Больно? Вот и Ольге было... Напоследок – удар по тылам! Штаб-ротмистр ныряет головой в кустарник. Курсант Петров упражнение закончил!

В палате ко мне бросается Рапота:

– Он жив?

– И даже здоров. Подлечится немного – совсем красивым станет!

Он хмыкает, но внезапно снова грустнеет.

– Проводил Ольгу?

Он кивает:

– Отвел к сестрам – плачет...

– В следующий раз подумает, с кем гулять! Жених на фронте, а она любовь крутит!

Рапота – по лицу видно – не согласен, но возразить не решается. Сажусь на койку, достаю добычу. Карманный пистолетик, калибр 6,35. На корпусе буквы FN – браунинг. Достаю обойму, выщелкиваю на одеяло патроны. Ишь ты, полная! Скажи, князь, спасибо Ольге: иначе раскинул бы мозгами... Затвор выбрасывает из казенника последний патрон, пробую спуск – тугой. Курок сухо щелкает. Игрушка! Любownika жены пристрелить, да и то в упор. «...Дубровский, подошел к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь...» Вновь заряжаю пистолет.

– Павел!

Поднимаю голову. Сергей все еще здесь.

– Я вел себя недостойно! Опоздал и Ольге не помог...

– Никогда не видел женщину без одежды?

Он кивает:

– После выпуска друзья звали в веселый дом, но я... – Он смущается.

– Постеснялся?

Он снова кивает.

Знакомо. Я тоже оканчивал училище нецелованным. Друзья звали к девочкам, но денег не было.

– Бельского будут судить! – это опять Сергей. – Мы с вами – свидетели! Его карьере конец!

Это как дядя, командующий армией, посмотрит...

– Давай спать, Серж! Глаза слипаются!

Он умолкает. Я расстегиваю пуговицы кителя. Я и в самом деле устал. Слишком много для первого дня...

Странное существо человек. Шесть дней я мечтал о самоубийстве, но как только получил возможность его осуществить, так сразу передумал. Не знаю, на что рассчитывал гость, вручая мне «хаттабку», но я решил действовать по своему плану. Я не мог отомстить предавшим меня генералам, но сорвать праздник бывшему актеру попробовать стоило.

Наутро в яму сбросили лестницу, и я впервые за семь дней поднялся вверх. Я опасался, что меня станут обыскивать, но абрекам это даже в голову не пришло. Продавец ручался за качество товара – какое недоверие между своими? Меня

даже не связали, просто надели наручники. Причем не по-нашему – за спиной, а по-американски – спереди. Глаза тоже не стали завязывать – возвращение пленника не планировалось. Абреки нередко ведут себя как дети, большие и капризные. Дорогой мне рассказывали, что меня ждет. Бородатые кавказские джентльмены скалили зубы и смеялись. Дети любят смеяться над беспомощными...

Меня доставили на широкий луг перед большим аулом. Здесь было полно народу. Обвешанные оружием, как новогодняя елка игрушками, абреки; встречались и штатские. По розам некоторых было видно: иностранцы. Жирные лица, платки на головах – арабы. Актер не поленился притащить спонсоров. Такое зрелище! Где еще головы публично режут?

Местные жители на лугу отсутствовали – спектакль не для них. Меня это обрадовало. Иностранцы вальяжно восседали на стульях, абреки толпились рядом. Я заметил две телекамеры – бывший актер подготовился основательно. На пригорке примостился ДШК на универсальном станке, за ним серьезный абрек – позаботились о зенитном прикрытии.

Меня подвели к толпе, актер стал рассказывать о моих преступлениях. Переводчик трещал, арабы важно кивали. Актер, наконец, умолк и сделал знак. Из толпы вышли двое. Один тащил деревянную колоду, второй нес топор и огромный тесак. Колоду установили перед зрителями, палачи с топором и тесаком стали напротив меня – шагах в пяти. По знаку актера конвой оставил пленника и присоединился к

зрителям.

– Ну что, старлей, кончилась твоя служба?! – сказал актер, явно наслаждаясь моментом. – Ты будешь умирать долго, гяур!

Подбежавшие операторы стали снимать сцену: павший духом приговоренный и его жизнерадостные палачи. Операторов не торопили – картинка должна быть подробной. Пора!

Со стороны, наверное, показалось, что гяур почесал правой ногой левую. Так сказать, нервное. На самом деле носок ботинка сорвал гранату, привязанную за кольцо к щиколотке. Я отчетливо слышал, как хлопнул капсюль, поджигая запал. «Хаттабка» вывалилась из штанины, носок ботинка поддел ее и точным ударом отправил в ноги палачам. Никто ничего не понял. Я досчитал до трех и рухнул в траву...

Звук разрыва у «хаттабки» негромкий, так себе – хлопок. Поэтому в толпе не сообразили. Когда я вскочил, палачи, стеная, лежали на траве, а зрители смотрели на них, выпучив глаза. В три прыжка я подлетел к раненым и выхватил у одного «стечкин» – пистолет я сразу приметил. Абреки не солдаты, оружие носят заряженным. Я очень надеялся, что это так: со скованными руками передернуть затвор трудно. Сдвинув предохранитель, я упал на колени...

Планируя операцию, я понимал, что могу рассчитывать на пять секунд. В худшем случае – три. Именно столько требуется, чтоб осознать происходящее и поднять оружие. Недо-

статок времени требовал выбора цели. Поначалу я считал ею актера, но на лугу передумал. По горским обычаям за безопасность гостей несет ответственность хозяин – тот, кто созывал на праздник. Смерть гостей актеру не простят. Не стоит убивать покойника дважды. И еще... Абреки воюют за деньги шейхов. Много им отвалят, если шейхов убьют? Замять происшествие не удастся – операторы снимают даже сейчас. Ну и, в-третьих... Мне очень не нравились бородастые, жирные рожи...

«Стечкин» – хороший пистолет, его одинаково любят в армии и у горцев. Я всаживал пулю за пулей в круглые животы под длинными рубахами, а когда животы кончились, сдвинул переводчик на автоматический огонь. Ударил по толпе очередью, не целясь. Время мое выходило. Я не видел, попал ли в кого: там кричали, суетились, падали – то ли от пуль, то ли спасаясь от них. Паника была мне на руку: я успел выпустить обойму, все двадцать патронов. Успел подумать о второй, но только подумать.

...Первым очнулся абрек у ДШК. Я увидел дульный тормоз с черным зрачком ствола, направленным мне в грудь. Это было лучшим, о чем можно мечтать. Пули «калаша» могут ранить, калибр 12,7 миллиметра таких надежд не оставляет...

Впоследствии я пытался понять, чего хотел старик, давая мне питье и гранату? Помочь мне или наказать? Последнее у него получилось...

Очнувшись в первый раз, я обрадовался. Было невыразимо приятно вновь ощутить себя в теле, здоровым и полным сил. Светило солнышко, пели птички, но очень скоро я понял: это не для меня...

На римских военных судах гребцами служат свободные матросы, на купеческих либурнах гребут рабы. В первой жизни я много читал об ужасах рабства. Авторы красочно описывали: гребцы сидят прикованными к скамьям, по проходу вышагивает надсмотрщик с бичом, непременно пузатый и лысый, этим самым бичом он беспощадно хлещет направо-налево несчастных рабов... Гребцы прикованы к скамьям навечно: здесь они едят, пьют и отправляют естественные надобности, поэтому плавают в собственном дерьме. Где, интересно, авторы это видели?

Для начала разберемся, кто такой раб. Как правило, воин вражеской армии, захваченный в плен с оружием в руках. То есть враг, пытавшийся вас убить. Его пощадили, но кормить задаром никто не подписывался... Не сумел воевать с умом, так иди работай! Спрос есть. Молодой, здоровый раб стоит дороже упряжки волов. А теперь скажите: какой владе-

лец в нормальном рассудке станет портить свое имущество, позволяя лысому отморозку хлестать его бичом? Пойдем далее. Капитану судна приятно обонять экскременты рабов? Проще приставить к гребцам мальчика, который подбежит по зову с кожаным ведром, после чего опорожнит ведро за борт. Не остаются гребцы прикованными к скамьям вечно. В порту их выводят на пристань и отправляют в эргастул – до завершения стоянки. Это, конечно, не прогулка по парку, но все ж разнообразие. Куда веселее рабам в доме богача. Нередко их там столько, что обязанности каждого становятся микроскопическими. По смерти хозяина принято отпускать рабов на волю. Они получают имя владельца, римское гражданство и становятся на учет за пособием. Многие живут на это пособие из поколения в поколение, как негры в США.

В госпитале, российском, я читал про Спартака. Уже тогда многое казалось странным. Почему войско рабов, разбив римлян, не ушло из Италии? Им никто не мешал. Вот и двинулись бы фракийцы во Фракию, галлы – в Галлию, германцы – в Германию. Со слезами на глазах – к родным очагам... Ага! Что они там потеряли? Это все равно, что предложить москвичу, выросшему в деревне, вернуться обратно. Снова ковыряться в земле, пасти коров, кормить свиней... Обеими ноздрями вдыхать воздух свободы. Предложите это москвичу! Догадываетесь, что ответит?

Спартак со товарищи были гладиаторами. Для пленного

воина попасть в гладиаторы – все равно, что выиграть миллион в лотерею. Ланисты заботятся о гладиаторах, как отцы; правильнее будет сказать, как владельцы футбольных клубов о своих игроках. Гладиаторов кормят до отвала – в прямом смысле слова. Гладиатор должен быть тучным – толстый слой жира хорошо защищает от смертельных ударов. Конечно, гладиаторов заставляют учиться, но футболисты тоже тренируются, хотя им этого не всегда хочется. К тому же гладиатор кровно заинтересован во владении оружием. В любом случае, это интереснее, чем ворочать веслом.

Разумеется, гладиаторы гибнут на аренах, однако рабы в шахтах и на солеварнях мрут чаще. Отряд гладиаторов, принадлежащий ланисте, сражается не чаще одного, редко двух раз в год – устроить гладиаторские игры стоит дорого. Что делает гладиатор в промежутках? Ест, пьет, им даже женщин приводят. Конечно, есть и тренировки, но я уже вспоминал футболистов...

Во время игр гибнет примерно один из восьми гладиаторов, у среднестатистического есть шанс прожить четыре-шесть лет. Не факт, что он протянул бы столько в своей Фракии. К тому же умелых, популярных у зрителей воинов ланиста бережет. Кто режет курочку, несущую золотые яйца? Знаменитый гладиатор – все равно, что знаменитый футболист. Женщины стремятся к нему в постель, и женщины эти часто не бедные. За хороший бой гладиатор получает свободу, что бывает нередко. По освобождению находится

богатый спонсор – вернее, спонсорша, которая превращает остаток жизни кумира в рай на земле. В своей Фракии он спал бы в землянке и умывался навозом...

Спартаку со товарищи не было резонов бежать. Кроме одного: хотелось жить еще слаще. В каждом из нас сидит желание жить легко и весело: пить, гулять, добывая средства к такой жизни разбоем. Далеко не каждый решается это желание осуществить. Спартак смог. К тому же, к несчастью для Рима, он был умен и находчив. Вспомним хотя бы спуск с Везувия по сплетенным из лозы лестницам...

Я не прав? В американских фильмах Спартак мечтает о свободе? Много американцы понимают в свободе! Они-то, конечно, считают, что понимают, только сами в рабах у доллара. Жизнь в долг: квартира, машина, мебель... Стоит американца уволить, как он берет пистолет и стреляет в тех, кто остался. После того как мятежные гладиаторы убежали из Капуи, к ним присоединились пастухи – свободные граждане, между прочим! Что делать свободным людям в компании с рабами? Грабить, конечно же. Убивать, насиловать, жечь. Вместе и батьку бить легче.

Спартаку не было резона уходить из пределов Рима. Пройдя республику с юга до севера, он развернулся, чтоб пройти с севера на юг. Оставалось много городов и вилл, где он не побывал... Мы шли по стопам Спартака. Человечьи кишки, намотанные на мраморные колонны, женщины, посаженные на колья, младенцы, нашинкованные кусочками

или зажаренные живьем... Наш центурион, а он три войны прошел, и тот блевал.

Кто это «мы»? Первая когорта легиона Марка Красса и я, рядовой гастат Секст Помпоний. Секст по-латыни «шестой» – это означало, что передо мной было пятеро братьев, только я их в глаза не видел.

Мы до дрожи ненавидели Спартака и его банду. Не только за то, что они творили. Это была странная война. Бандиты вволю жрали, пили, развлекались с женщинами, их повозки тащили груды золота и серебра, а солдаты, защищавшие республику, голодали, мерзли и месяцами не получали жалованья. Совсем как в России в 90-е... Центурион орал на нас и колотил палкой. Даже рабов так не бьют – хозяин жалеет имущество. Мы принадлежали государству и, следовательно, – никому. Сытые и многочисленные банды Спартака побеждали нас в битвах, нас за это подвергали децимациям – казнили каждого десятого. Скоро я сказал себе: такая жизнь хуже смерти. И решил покончить с собой ударом кинжала. Римским солдатам подобные мысли приходят в голову нередко. К тому же я не был римлянином – какое мне дело до величия республики? Я не стал использовать меч: их клинки сделаны из сырого железа и, попав в кость, легко гнутся. Широкий и короткий кинжал пугио подходил лучше. Быстрый взмах лезвием у шеи – там, где сонная артерия. Легкая боль, а затем сладкий сон...

Наказание последовало незамедлительно. Старик сказал:

«Соблюдай правила», но забыл их разъяснить. Это сделала пифия, которую я нашел две жизни спустя. Вот ее слова: «Жизнь – это дар. Только тот, кто даровал, имеет право ее забрать. Жизнь – это бесценный дар, ее следует защищать, невзирая ни на что. Защитивший дар удостоится милости».

Я спросил, что это за милость, но пифия не ответила. Провидцы немногословны...

Я не буду перечислять колдунов и магов, к которым я обращался со своей бедой. Часть их была шарлатанами, другие что-то умели, но прок от всех был одинаковый, то есть никакой. Я потратил большую часть военной добычи на молебны и мессы – лучше б я ее пропил... Чего я добивался? Того, что любой человек имеет с рождения: права на нормальную смерть. Старая колдунья, которую я сыскал в испанском порту, сказала мне так:

– Тебе не следовало брать кувшин. Выпив эль-ихор, ты принял дар. Отказаться от него нельзя.

– Но я не знал, что в кувшине!

– Это не имеет значения.

– Надежды нет?

– Со временем эль-ихор теряет силу.

– Как я это пойму?

– Будет знак.

– Какой?

– Нечто необычное, чего не было раньше. Терпи! Чем больше смертей перенесешь, тем быстрее все случится...

В госпитале, в первой своей жизни, я читал забавную книгу о реинкарнации. Ерунда, конечно, как все подобные писания, но со временем вспомнилось. У адептов реинкарнации есть важное преимущество: возрождаясь в новом теле, они не помнят прошлого. Я же помню все, и это страшно.

Убив Секста Помпония, я очнулся гребцом Тавром. Помните, я рассказывал о судне? Хозяин Тавра был доволен рабами: команда выгребла в бурю. По прибытии в порт гребцов досыта накормили и дали им вина. Дело было вечером, перевод рабов в эргастул отложили. Это было серьезной ошибкой. Выпив, гребцы захотели добавки, да только дать ее было некому. Мальчик-ассенизатор добыл ключи, гребцы освободились от общей цепи – личные им давно не мешали, и сошли на берег. Денег на выпивку у них, естественно, не было – добывали ее, грабя таверны. Кабатчики вызвали портовую стражу, но гребцы, мужики не слабые, к тому же порядком пьяные, с помехой сладили быстро: кого прогнали, кого прибили лавками и ножками от табуретов. Победив в схватке, гребцы продолжили пить и уснули, где сморил их хмель. На рассвете их повязали. В этот миг я стал Тавром.

Приговор римского префекта был скорым: на крест! Хозяин наш хлопотал и суетился – потерять столько рабов! – но префект даже слушать не стал. Римляне придумали много забавных вещей, в том числе эту казнь. Когда человека вешают на крест, тело его опускается, он не может дышать. Чтоб вдохнуть, надо приподняться. Для чего опереться на

подставку в ногах, если она есть, или же на гвоздь, которым приколотили к кресту твои ступни. Сказать, что это больно, означает ничего не сказать. Если даже есть подставка, к кресту прибиты руки. При каждом подъеме для вдоха кисть поворачивается вокруг вбитого в нее гвоздя. В античном мире гвозди делали не из проволоки – их ковали в кузнях, и гвозди выходили четырехгранными. Человек в состоянии отказаться от воды и пищи, но от желания дышать отказаться невозможно. Десять-двенадцать раз в минуту, если контролировать себя – пять-шесть. Живым мясом двигаться вокруг граненых гвоздей... Остроумно и экономно: казненный сам себя истязает. А чтоб он не умер раньше времени, специально приставленный солдат поит распятых, поднося на острие копья губку с водой. Хлебни, сердешный...

Умному достаточно одного урока. Впредь я твердо следовал указаниям пифии, но долго в телах не задерживался. Я почти всегда попадал на войну, а жизнь у солдата на войне короткая. Кем я только не был! Греческим гоплитом в битве с персами, крестоносцем в войске короля Балдуина, немецким наемником периода религиозных войн и английским лейтенантом в Индии... Дважды воевал в России – в 1812 году и в 1941-м. На своей стороне, разумеется – иначе, не задумываясь, повторил бы судьбу Секста Помпония. Меня резали, рубили, протыкали копьем и расстреливали картечью... Я не оставался в долгу.

Поначалу чужое тело смущало меня. Выгонять хозяев из

дома некрасиво. Я получал не только чью-то силу и молодость, но и навыки владения оружием, говорил на языках, которые знал прежний хозяин. Однако, сопоставив ряд фактов, я понял: владельцы тел перед заселением были мертвы. Гость просил позволения войти, но дом оказался пуст...

3

Голоса...

– Вы не видите: он спит!

– Разбудите! Дело не терпит отлагательства!

– Прапорщик третьего дня перенес тяжелую контузию.

– Это неважно!

– Я возражаю!..

Не отвяжутся... Господи, как трещит голова! Решительно отбрасываю одеяло, сажусь! Уф! В палате двое: Рапота и незнакомый офицер с двумя серебряными звездочками на золотистых галунах погон кителя. Подпоручик. Тоненькие усики на верхней губе, тоненькие ножки в краповых рейтузах и начищенных до блеска изящных сапожках с серебряными розетками. На каблуках шпоры: кавалерист?

– Господин прапорщик?!

– С вашего позволения, господа, я оденусь. Не привык встречать гостей неглиже.

Одеваюсь, офицерик нервно вышагивает по палате. Нечаянный визит связан со вчерашним событием – это к гадалке не ходи. Наконец, последние пуговицы застегнуты.

– Прапорщик Красовский?

– Он самый.

– N-го гусарского полка корнет Лисицкий. У меня к вам дело чрезвычайной важности. Вчера вы оскорбили словом и

действием князя Бельского...

– Неужели?

Приятно видеть недоумение на напыщенном личике.

– Вы хотите сказать, оскорбления не было?

– Совсем нет. По моему мнению, оскорбить такого мерзавца, как ваш князь, попросту невозможно. Грязь к грязи не пристает.

Так, у него в зобу дыханье сперло. Люблю окорачивать жеребчиков.

– Вчера штабс-ротмистр пытался изнасиловать сестру милосердия Ольгу Матвеевну Розенфельд, – это Рапота. – Если б не вмешательство прапорщика...

Жеребчик хоть бы глазом моргнул – в курсе. Та-ак, здесь другая игра.

– В любом случае прапорщик не имел права. Я уполномочен передать вам, господин Красовский, вызов от князя Бельского. А также вам, поручик!

– Ему-то за что? Не оскорблял...

– Стал свидетелем, но не предпринял мер.

Ах, вот что!

– Тяжесть нанесенных оскорблений заставляет князя требовать удовлетворения немедленно. За оградой ждут экипажи. Ехать недалеко, поэтому врач не нужен.

Правильно, зачем лишний свидетель?

– Если вы уклонитесь...

– Нельзя отказывать таким людям.

– Оставьте свои шуточки, прапорщик!

– Я серьезно.

– А вы, поручик?

– Принимаю!

– Едем!

Нагло разваливаюсь на койке. Жеребчик опять в недоумении.

– Насколько помню, корнет, за мной выбор оружия?

– Плохо помните! Право выбора оружия за оскорбленной стороной! А поскольку вид оскорбления самый тяжкий, князь имеет право диктовать условия дуэли.

Вон оно как! Они меня за идиота держат?

– Знаете что, корнет? Катитесь вы со своим князем и его оскорблением куда подальше!

Корнет застыл в столбняке. Мягче с людьми надо быть, господин корнет, мягче.

– Так вы уклоняетесь от дуэли? В таком случае я...

– Если вы сделаете шаг, корнет, я выброшу вас в окно. Вы имели счастье лицезреть князя? Спешу заверить: то же будет и с вами. Я не люблю насильников и хамов. Ваш протезе получил по заслугам. Или мы будем стреляться на моих условиях, или все останется как есть. Понятно?

– Чего вы хотите?

Как-то быстро он сдулся.

– Право выбора оружия.

– В нашем экипаже револьверы и шашки. Что предпочи-

таете?

– Винтовку!

Не ждали-с?

– Позвольте, как винтовку?

– Таково мое желание.

– У нас нет винтовок! – Он почти кричит.

– Так озаботьтесь, чтоб были. Даю полчаса! – Демонстративно смотрю на циферблат часов. – Если через тридцать минут не явитесь, буду считать: от дуэли уклонились. Со всеми вытекающими...

Мгновение он колеблется, затем срывается и исчезает за дверью.

– Почему винтовка, Павел?

Достаю из кармана браунинг.

– Прицелься!

Сергей зажмуривает левый глаз. Пистолетик пляшет в руке. Забираю оружие.

– Вчера мы слегка выпили, не так ли?

– А винтовка?

– У нее приклад.

– Почему полчаса?

– За это время они ничего не успеют: ни подточить боек, ни испортить патроны.

– Вы полагаете?..

Святая простота! Сам вчера говорил о карьере князя. Нет свидетелей – нет и преступления. Как там у классика: «Это

немножко похоже на убийство, но в военное время... хитрости позволяют». Рассчитывать, что некто, способный ударить женщину в солнечное сплетение, станет соблюдать законы чести... «Ах, оставьте!» – как поется в популярном романсе. Сергей смущенно опускает глаза. Ладно, нужда зовет! Пока есть время...

По возвращении с наслаждением умываюсь холодной водой из тазика. Кранов здесь, естественно, нет. Тазик уносят, взамен на столе появляется поднос с двумя стаканами чаю в мельхиоровых подстаканниках и булочки. Завтрак. Сергей радостно хватает стакан.

– Я бы не советовал, поручик!

Он смотрит недоуменно.

– Не дай бог, пуля в живот...

Поручик бросает стакан, будто ожегшись. Беру его и с наслаждением припадаю к горячей жидкости.

– Позвольте, а вы?

– Мне можно.

И нужно. Мне стрелять первым, а горячий чай – лекарство для больной головы. Живот? В него еще нужно попасть. Едва покончил с чаем, как явление второе: те же и корнет Лисицкий.

– Винтовки есть! Едем, господа!

По классическим правилам дуэли, противники приезжают к назначенному месту порознь. Но нынче время военное – не до церемоний. Князь с корнетом в первой пролет-

ке, мы – во второй. По пути шепотом инструктирую Сергея. Пока не кончится поединок с князем, ему исполнять обязанности секунданта. Я волк драный, но поручика объехать на кривой козе проще простого...

– Вы много дрались? – От возрастающего уважения он переходит на «вы».

– Бывало.

– В Англии?

Киваю. Хорошо, что за плечами есть Англия.

– На пистолетах? Шпагах?

– По-всякому.

На мечах тоже случалось.

– Мне вот не довелось!

Нашел о чем жалеть!

– Я давно не держал в руках винтовки. В последний раз – в Михайловском училище. В отряде мы пользуемся маузером – такой большой пистолет в деревянной кобуре. Авиаторам они положены.

Скашиваю взгляд: бледен, но страх скрывает. Оно понятно: впервые в жизни встать под дуло. Мне нельзя проигрывать. Если меня убьют, Серегу пристрелят, даже комедию с дуэлью ломать не станут. Еще один нецелованный мальчик на моей совести?

Подъезжаем. Небольшая поляна со всех сторон укрыта елями. До проселочной дороги рукой подать, но с дороги поляна не просматривается. С умом выбрано! Когда они спа-

ли? С другой стороны, неплохо: не выспавшийся перед дуэлью – не противник. Извозчики остаются ждать. На поляне мы с князем расходимся в стороны, Рапота и Лисицкий остаются уточнять правила. Вижу, как Сергей ожесточенно спорит – молодец! Вот он берет винтовку, передергивает затвор и прицеливается в небо. Бах! Берет вторую – бах! Оружие проверено. С винтовкой в руках Сергей направляется ко мне.

– Дистанция – пятьдесят шагов! – сообщает хмуро. – По сигналу можно сразу стрелять или идти к противнику. Оружие можно перезаряжать, у каждого по четыре патрона. Сигнал – выстрел из револьвера. Голос на таком расстоянии можно не слышать, потом поди докажи! Сигналю я. Не одолжите браунинг?

Он и на этом настоял? Умница! Тем временем корнет отмеряет пятьдесят шагов. Указывает место. Становлюсь, держа винтовку перед собой. Князь напротив. На бледном лице двумя пятнами выделяются синяки под глазами. Рапота с корнетом уходят с линии огня.

– Приготовиться! – Сергей поднимает пистолет.

Князь стреляет за мгновение до сигнала. Навскидку. Я хоть и ждал чего-то подобного, но не уследил. Пить меньше надо! Пуля срывает погон с левого плеча. Хорошо их учат в кавалерийских училищах! Теперь моя очередь! Вскидываю винтовку. Прицел выставлен, но с такого расстояния это не важно. Пока князь лихорадочно передергивает затвор, жду.

Мне необходимо видеть белое лицо с двумя пятнами по сторонам. Инструктор учил нас: «Никогда не цельтесь в голову! Она маленькая и твердая. Цельтесь в корпус: он большой и мягкий!» Это правильно, но сегодня особый случай. Есть! Плавно нажимаю спусковой крючок и опускаю винтовку к ноге. На другой стороне поляны уже никто не стоит.

Лисицкий, семена ножками в гусарских ботиках, бежит к князю. Следом – Рапота. Они наклоняются, трогают тело, затем выпрямляются. Идут ко мне. На лицо корнета противно смотреть.

– Прямо в переносицу! – Губы у него дрожат. – Сзади – полголовы вырвало... Господи! Что я скажу его превосходительству, родителям?

У князя есть родители? Ну да, это мы сироты.

– Ваша очередь, корнет! Берите винтовку! Думаю, трех патронов нам хватит.

В его глазах ужас, лицо пепельное.

– Господин прапорщик! Послушайте... Я не одобряю вчерашнее поведение князя, так ему и сказал. Но мы друзья, он попросил... Долг чести... Если вас устроят мои извинения...

– Меня – вполне, но что скажет поручик?

Корнет умоляюще смотрит на Сергея. Тот напускает на себя важность, мгновение думает, затем нехотя кивает. Ну, Серж, ну, лицедей!

– Благодарю вас, прапорщик! И вас, поручик!

– Позаботьтесь о теле!

– Да-да, конечно.

Отдаю винтовку. Мы с Сергеем выходим на дорогу. По пути он сует мне пистолет. Возвращаю.

– Подарок!

– У меня в отряде маузер...

Не взял. Ладно. Мне пригодится...

У госпиталя нас встречает толпа. Сестры милосердия, санитары, даже врачи. С первого взгляда понятно, кого ждут. Быстро здесь разносятся вести! Выходим из пролетки и идем, как сквозь строй. Нас обшаривают взглядами. Почему-то смотрят на мое левое плечо. Погон! Пытаюсь приладить его на ходу – попусту. Ну и пусть!

На крыльце сам коллежский асессор.

– Живы! Не ранены?

– Никак нет! – это Сергей.

– А князь?

Сергей размашисто крестится. По толпе словно шорох прошел – повторяют.

– Корнет?

– Попросил извинения.

– Слава Богу! – бормочет Розенфельд. – Слава Богу!.. Господа, прошу ко мне!

По скрипучим деревянным ступенькам поднимаемся на второй этаж. В кабинете Розенфельд усаживает нас на стулья, сам остается стоять.

– Господа, у меня нет слов... Примите извинения за по-

ведение моей дочери!

Сергей делает протестующий жест, но Розенфельд словно не замечает:

– Ей не следовало принимать ухаживания штабс-ротмистра, тем более соглашаться на прогулку с ним. Из-за нее погиб человек, еще двое, даже трое, будут иметь неприятности!

– Дуэли в Российской армии разрешены! – опять Сергей. – Все прошло по правилам!

– Сейчас военное время! К тому же... – Коллежский асессор машет рукой, и я понимаю, что он хотел сказать. «Что разрешено Юпитеру, не дозволено быку». Ну да, дядя – командующий армией...

Розенфельд подходит к шкафу со стеклянными стенками, открывает дверцы и некоторое время звенит там посудой, широкой спиной закрывая происходящее от нас. Поворачивается – в его руках стаканы со светло-желтой жидкостью.

– Выпейте! Вам необходимо!

Беру бокал. Ром! Действительно, в самый раз. Возвращаем пустые бокалы. Он держит их, словно не знает, куда девать.

– Я растил ее без матери, господа! День-деньской на службе, а там няньки... Избаловали! Думал, здесь будет под присмотром, а вон как вышло. Если можете, простите! Ей всего двадцать... Завтра! – голос его становится жестким. – Завтра же отправлю ее в Москву, к тетке! Пусть продолжит обучение фельдшерскому делу! Решено!

Спорить с ним бесполезно, да и не хочется. Откланиваемся. Меня клонит в сон. Надо поспать – теперь не скоро придется...

Борода и усы председательствующего – копия императорских на большом портрете за его спиной. Только у Николая II усы не закручены так заливчатски. Председатель – полковник, остальные члены суда – штаб- и обер-офицеры.

– Господин прапорщик!

Встаю.

– Сообщите суду обстоятельства дела!

Сообщаю. Когда дохожу до сцены в парке, за спиной возникает ропот. Возмущенный. Председатель звонит в колокольчик:

– Пра-ашу тишины!

Ропот стихает.

– У вас все?

– Так точно!

– Садитесь! Поручик Рапота!

Сергей встает. В его рассказе больше подробностей:

– Как секундانت, хочу сообщить суду, что штабс-ротмистр выстрелил до моего сигнала.

В зале снова ропот.

– Пуля сорвала прапорщику погон. Тем не менее, он не

стал сразу стрелять в штабс-ротмистра, а дал ему возможность перезарядить ружье...

Выгораживает Серега дружка. Только зря это...

– Са-адитесь! Корнет Лисицкий!

Корнет повторяет слова Рапоты, даже подтверждает выстрел до сигнала. В зале ропот. С чего корнет такой праведный? Слишком гладко все идет, слишком гладко...

– Господин корнет, почему вы согласились участвовать в таком неблагоприятном деле?

– Князь Бельский вернулся вечером избитый. Синяки под глазами, синяки на теле. Сказал, что это сделал прапорщик, – кивок в мою сторону. – Сами понимаете, господа, я не мог отказать. О проступке штабс-ротмистра я не знал.

Врет, конечно, но доказать невозможно.

– Господин прапорщик!

Встаю.

– Вы били князя Бельского?

Соврать, как Лисицкий? Свидетелей не было.

– Так точно, господин полковник, бил!

– Почему?

– Он дурно отозвался о сестре милосердия.

– Как именно?

– Язык не поворачивается повторить гнусность!

– За это вы его избили?

– Не только!

– Что еще?

– Штабс-ротмистр предложил замять дело. Сказал, что дядя его командует армией, и я могу стать подпоручиком через неделю...

За спиной уже не ропот – шум водопада. Зал полон офицерами, и далеко не все из них штабные. Обычно военный суд проходит без публики, но сегодня сделано исключение. Председатель долго звонит в колокольчик. Наконец, зал утихает.

– Введите свидетеля Хижняка!

Перед судом вытягивается солдат в мешковатой форме. Лицо знакомое – санитар госпиталя.

– Сообщите суду, что сказали военному следователю!

– Значицца, прибирал я в беседке у пруда...

– Что было в беседке?

– Господа праздновали!

– Какие господа?

– Вот эти! Их благородие поручик и их благородие прапорщик. Как отпраздновали, так все и бросили: корзинку, посуду, бутылку...

– Бутылку из-под чего?

– Написано было «коньяк».

– Бутылка большая?

– Обыкновенная.

Ропот в зале.

– Уведите свидетеля!

Вон что! Пьяная драка в период сухого закона...

– Господин поручик! Вы пили коньяк с прапорщиком?

– Так точно!

– Что праздновали?

– Прапорщику Красовскому принесли угощение, он предложил мне разделить. Но я уверяю вас, господин полковник, мы в полном рассудке...

– Не сомневаюсь! Полбутылки коньяка – отличное лекарство для рассудка. Садитесь!

Покойный штабс-ротмистр тоже был выпивши, и даже очень. Только у нас доказательств нет.

– Пригласите свидетеля Розенфельда!

На докторе сегодня мундир отглажен. Молодцом!

– Господин коллежский асессор! Прежде чем задать вопрос, позвольте от имени офицерского собрания корпуса принести вам извинения за гнусную выходку, совершенную в отношении вашей дочери штабс-ротмистром Бельским! Несмотря на то, что за свой проступок он заплатил жизнью, это несмываемое пятно на офицерской чести корпуса.

– Я принимаю извинения.

– Вы врач, наблюдавший прапорщика Красовского. Каким было его состояние на время ссоры с князем и последовавшей дуэлью?

– Прапорщик перенес тяжелую контузию, в результате которой утратил память. Она до сих пор не восстановилась.

– Это не помешало ему драться и стрелять!

– Контузии провоцируют нервные реакции!

– Ему рекомендовано употреблять спиртные напитки?

– Ни в коем случае!

– Но прапорщик употребил!

– Он не отдавал отчет! Повторяю: тяжелая контузия! Человек только пришел в себя! Ему кажется, что он здоров, хотя на самом деле это не так. Я давно служу по медицинской части и не раз наблюдал... С такой контузией прапорщик подлежит безусловному освобождению от дальнейшего прохождения воинской службы. Я готов подписать свидетельство немедленно!

– Не сомневаюсь, господин Розенфельд! Суд удаляется на совещание!

– Господа офицеры!..

Грохот вставшего зала. Наступает томительное ожидание. Из зала никто не уходит. За моей спиной гул. Сергей повесил нос, корнет чувствует себя не лучше. Ничего не понимаю!

– Господа офицеры!..

Стоим. Председатель надевает очки, они нелепо смотрятся на холеном лице.

– ...Рассмотрев обстоятельства дела, военный суд нашел корнета Лисицкого, поручика Рапоту и прапорщика Красовского по обстоятельствам дуэли, приведшей к смерти князя Бельского, невиновными!

Радостный ропот за спиной.

– Однако же...

Я ждал этого!

– В ходе судебного следствия неопровержимо доказано нанесение побоев прапорщиком Красовским покойному князю Бельскому. Вину прапорщика отягощает имевший перед этим постыдный случай пьянства. Какими бы благородными мотивами ни объяснялось поведение прапорщика Красовского, нанесение одним офицером побоев другому бесчестит не только того, кто побои получил, но и того, кто их нанес. Такой поступок не совместим со званием русского офицера. Руководствуясь Сводом военных постановлений... на основании статьи 42 Воинского устава о наказаниях подвергнуть прапорщика Красовского лишению офицерского звания, разжаловав его в рядовые. Постановление суда вступает в силу по конфирмации начальником корпуса...

Полковник снимает очки:

– Можете выписывать белый билет, господин коллежский асессор! Господин Красовский, вы возвращаетесь под родительский кров. Вы не принесли пользы Отчизне на полях сражений, так постарайтесь сделать это в тылу. Передайте батюшке, что на фронте катастрофически не хватает снарядов и бомб! Пусть выделяет их на своих заводах как можно больше!

Одобрительный гул в зале. Вон оно что! Господин полковник надавил на мораль. Просто наказать виновного при таких обстоятельствах – не комильфо. А вот указать ему место и выбросить из армии... Я буду ходить в подручных у фаб-

риканта ближайшие пятьдесят лет?

– Господин полковник, разрешите просьбу!

– Что еще? – Он не скрывает неудовольствия.

– Прошу об оставлении меня в действующей армии!

– Чем будете ей полезны? Доктор уверяет: вы утратили память. Следовательно, все, чему вас учили...

– Доктор говорит правду. Однако, как изволили заметить, драться и стрелять я умею.

За спиной опять гул. Он смотрит в упор, я не отвожу взгляда.

– Я доложу о вашей просьбе!

Занавес.

4

Вход в блиндаж занавешен куском брезента – постучать невозможно. Кашляю:

– Разрешите?

Из-за брезента невразумительное бурчание. Решительно сдвигаю занавесь.

– Ваше благородие, вольноопределяющийся Красовский...

– Пашка!

Худошавый офицер вскакивает из-за колченогого столика и заключает меня в объятия. Стою в недоумении: или самому обнять, или все же блюсти субординацию. Выбираю второе.

– Господин прапорщик, смею напомнить...

– Ладно тебе! – он отстраняется, на лице белозубая улыбка. – В школе прапорщиков койки рядом стояли, и я буду чиниться?..

– Я разжалован в рядовые.

– Знаю! Вся крепость знает!

Это правда. Пока ехал из Белостока, раз десять остановили. Офицеры подходили и молча жали руку. В самой крепости чуть ли не демонстрация случилась. На площади перед управлением мне отдавали честь даже штаб-офицеры. Быстро здесь разносятся новости...

– Садись, рассказывай! – Он указывает на грубо сколоченные нары. Керосиновая лампа на столике мигает.

– Вы, наверное, и так знаете.

– Да что вдруг «вы» и «вы»? – недовольно бурчит хозяин блиндажа. – Как будто забыл!

– Смею напомнить, это действительно так.

Он смотрит участливо:

– Даже как меня зовут?

Киваю.

– Михаил Говоров! Ты звал меня «Майклом» на аглицкий манер.

– Рад видеть тебя, Майкл!

– И я тебя!

Отстегиваю от пояса и кладу на стол флягу. Гаванский ром, лично господин Розенфельд в дорогу снабдили. Коллежский ассессор любит чай с ромом.

– На передовой сухой закон?

– Скажешь! – Он смеется и кричит в дверь: – Хвостов!

В проеме появляется солдат. Лицо плутоватое.

– Собери нам что-нибудь!

Хвостов исчезает, но скоро появляется снова. На столе утверждается кусок черного хлеба, луковица и кусок вареной говядины. Не густо.

– Пищу доставляют утром и вечером, – извиняющимся тоном поясняет прапорщик, он же Майкл. – Как стемнеет. Германская артиллерия простреливает подходы.

Поставив кружки, денщик исчезает. Разливаю ром, чокаемся.

– С возвращением, Пашка! Если б только знал, как я рад! Из нашего выпуска только мы остались. Да что мы! В роте я единственный офицер, исполняю обязанности начальника. Кто бы мог думать, когда нас выпускали?! Прапорщик командует ротой! – Он вдруг грустнеет. – Осталось полсотни нижних чинов – взвод по мирному времени...

Командовать взводом честь невелика – унтер-офицерская. Субалтерн-офицеры при командире роты – старшие, куда пошлют. Теперь один из них – правильное сказать, единственный уцелевший – принял роту. Хорошее место, долго не задержусь. Пуля или снаряд. Короче служба с каждым днем, короче к дембелю дорога...

– Будем здоровы, Майкл!

Славный у Розенфельда ром: крепкий, ароматный. Рассказываю Мише о последних событиях – хозяина следует отблагодарить за гостеприимство. Он слушает, широко раскрыв глаза. Сжимает кулаки.

– Штабная крыса! Как можно?! Сестрички, они же добровольно... Перевязывать, обмывать, судна за ранеными выносить... Да я бы сам! Из-за кого разжаловать?! Князя да бароны, сволочь титулованная; как увидишь кого с аксельбантами, так будь покоен, что «фон»! В окопах их не встретишь, прапорщики ротами командуют...

Хм... В любой армии не любят тыловикиов, но здесь что-то

совсем. Плюс горячая поддержка офицерами разжалованного прапорщика. Хреновые перспективы у этого войска. Сменим тему.

– Отчего такие потери в людях? Артиллерия?

– Ты видел траншеи? Полный профиль, стенки укреплены. Артиллерия ведет огонь, да без толку, – Говоров косит взглядом, я делаю успокаивающий жест: контузия прапорщика Красовского – случайность. – Завелся у германцев меткий стрелок или стрелки, – он пожимает плечами. – Голову высунуть не дают – сразу пуля! Начальника роты так убили...

Интересно! Делаю недоуменное лицо.

– Хвостов! – кричит Миша в дверь. – Кликни Нетребку! И болвана своего пусть захватит!

Спустя пару минут в блиндаже маленький круглый солдатик с какой-то деревяшкой в руках. Беру ее в руки. Голова человека – вернее, гладко обструганная деревяшка, ее изображающая. Глаза, брови и нос прорисованы углем. Рта нет.

– Это что?

– Болван, ваше благородие! – рапортует солдатик. – Для выделки шляп-с и париков пользуют, дабы по форме. Я до призыва в числе первых болванщиков был-с. Вот-с, пригодилось.

– Для чего?

– Германец, коли фуражку на штыке из траншеи поднять, не стреляет. Непременно, чтоб голова была.

Только сейчас замечаю аккуратную дырочку над прорисованным носом. Переворачиваю деревяшку. Выходное отверстие куда крупнее, но не такое страшное, как у человека.

– Этот болван более не годится! – сыплет словами Нетребко. – Коли дырочка во лбу, германец не бьет.

Оптический прицел...

– Снайпер!

Миша смотрит недоуменно. Ну да, массовое снайперское движение только нарождается. Армии месяцами сидят в окопах, больше заняться нечем, как поглядывать в прицел.

– Снайпер – меткий стрелок по-английски...

– В том-то и беда, что больно меткий! – Он сжимает кулаки. – Управы никакой – из траншеи не выглянуть. Только ночью. Снарядами не закидаешь – неизвестно, куда стрелять. Высмотреть нельзя: выглянешь – убьет. Траншейную оптическую трубу давно прошу, но не шлют. – Он жестом отпускает Нетребку. – Вот такая диспозиция, Павел. Хорошо, что ты вернулся! Хоть и рядовой, а командовать можешь...

– Нет!

Он смотрит удивленно.

– Я все забыл!

Он грустнеет:

– К чему тебя приставить?

– Займись метким стрелком! С твоего позволения.

Он смотрит недоверчиво.

– Драться и стрелять я не разучился!

Миша смеется:

– Чего надобно?

– Хорошую винтовку, выберу сам. Это раз. Далее: бинокль, карту местности или хотя бы кроки, компас и Нетребку в помощники.

– Бери! – Он снимает со стены бинокль в футляре. – От начальника роты остался – добрый, германский. С ним и убили.

Оптимистичное напутствие...

Назавтра пристреливаю винтовку в тыловой лощине. Еле выбрал. У большинства солдат винтовки старые, с казенниками, переделанными из старых трехлинеек под новый патрон с остроконечной пулей. Служили винтовочки долго, да и чистили их рьяно – каналы стволов сильно поцарапаны. Только у моей сияет зеркальным блеском. Прицел обычный, но до германских траншей метров триста – сгодится. Если, конечно, снайпер не за бронированным щитком – в Первую мировую применяли. В амбразуру мне не попасть. Результаты пристрелки демонстрируют это убедительно: только две из пяти пуль ложатся в черный круг, нарисованный углем. Трехлинейка образца 1891 года – это не СВД. Нетребка неподалеку строгаёт болванов – я обещал ему выпивку. Флягой с вожденной жидкостью меня снабдили врачи гос-

питался: не один Розенфельд сочувствует разжалованному. Нетребка и без того выполнит приказ, но личная заинтересованность не помешает. Бывший болванщик – ефрейтор, я – рядовой. Нижний чин из вольноопределяющихся – не чета обычному солдату: к хозяйственным работам не привлекается и вообще «из благородных», но формально Нетребка старше по званию. Надо выказать уважение. Ефрейтору предложение по душе: строгают – только стружки летят! Это правильно: работать надо тщательно. Мне терять нечего, но солдатам в траншее – есть. Им новые тела не светят...

Нетребка заканчивает к полудню. Прилаживаем двух болванов на крепкие палки с ручками. Берем одного и топаем на левый фланг. Свободные от службы солдаты тянутся следом – правда, держатся в отдалении. Сидеть в траншеях скучно, хоть какое развлечение. Их благородие – вернее, бывшее благородие, чудит – будет что перетереть вечером. Надеваем на болвана солдатскую папаху и осторожно выдвигаем из траншеи. Нетребка, как более опытный, руководит. Сначала над бруствером вырастает папаху, прячется, появляется снова, после чего возникает «лоб».

Бах! Хлоп! Деревянные щепки сыплются в траншею. С трудом удерживая болвана от поворота, опускаем его в траншею. Втыкаем нижний конец палки в землю. Нетребка держит болвана, чтоб не сбилось направление. Я сую специально приготовленную палочку в проделанное пулей отверстие, достаю компас и наношу на кроки первый азимут. Прием

старый, но здесь в новинку. Бросаем поврежденного болвана, берем нового и бредем на правый фланг. Там все повторяется: бах, хлоп! Наношу азимут на кроки. Пересечение... Твою мать! Или кроки неточные, или снайпер отороженный: свил гнездо на нейтралке, метрах в ста пятидесяти от наших траншей. Результат настолько неожиданный, что едва удерживаюсь от желания выглянуть наружу и проверить. Ага! Бах, хлоп – и дембель! У меня работа не выполнена.

Перед ужином наливаю Нетребке кружку спирта. Он уходит, прижимая ее к груди. Поделится с фельдфебелем, покажет уважение. В кружку влезло полфляги – оба будут хороши. Нам нельзя ни капли.

Ночь темна. Беру кирку и шагаю в тыл. Здесь, в сотне метров от наших траншей, некогда стояла деревня. Хаты сгорели, только печи вздымают трубы на пепелищах. Правильно расположены эти печки. Проламываю отверстие со стороны траншей. Печка закопченная, черное отверстие не бросается в глаза. Залезаю внутрь. Топка у русских печей огромная – трое поместятся. В печах зимой моются. Дырка с обратной стороны вышла в самый раз – не много, но и не мало. Кладу рядом винтовку, бинокль, выстроганную Нетребкой подставку. Миша звал спать в блиндаже, но это не лучшее место. Командира роты в любой момент могут поднять, а мне нужно выспаться. Шинель сверху и снизу, под головой башлык. Не лучшая постель, но бывало и хуже. Немцы и наши постреливают, но засыпаю почти мгновенно.

Солнце «красит нежным светом стены древнего Кремля»... Роль стен выполняют подошвы сапог вольноопределяющегося. Пора! Хорошо, что день ясный – солнце светит в глаза немцам. Переворачиваюсь на живот, достаю из футляра бинокль и кладу перед собой кроки. Что у нас? Ага, некогда на нейтральной полосе росло дерево. Разрывом снаряда дерево повалило: ствол, мешанина ветвей. Удобная позиция – если, конечно, снайпер здесь. С оптическим прицелом можно запросто стрелять из своей траншеи. Если снайпер там, без артиллерии не обойтись: из трехлинейки не достану.

Наблюдаю пять минут, десять, полчаса. Никакого движения. Или снайпер обладает отменной выдержкой, или его там нет. Перевожу окуляры на свою линию. Печка стоит на пригорке, траншея хорошо просматривается. Видны папахи солдат, неспешно передвигающихся вдоль линии обороны. Где Нетребка с болваном? Еще не очухался? Порву, как тузик грелку! Твое счастье, что из печки не дотянусь!

Наблюдаю фуражку. Ротный, а он в курсе, отправился за болванщиком. Взгреет – и правильно сделает. Мысленно желаю прапорщику не жалеть пинков. Проходит пять минут. Следом за фуражкой в обратном направлении движется папаха. Траектория головного убора извилиста и наводит на мысли о скорбном похмелье. Наконец поверх бруствера возникает болван. Он дрожит и пошатывается – кому-то сегодня нездоровится.

Бах! Болван стремительно падает обратно. Есть! Серый дымок висит над стволом поваленного дерева. Порох в патронах здесь уже бездымный, но все ж не совсем. Утренний воздух плотнее дневного, дымок тает медленно, германцу не мешало бы знать. Впрочем, чего бояться? Столько дней безнаказанного разбоя – ганс работает, как в тире! Навожу бинокль – вот он! Белое лицо из-под лохматой накидки. Силен в маскировке, наверняка из охотников – бил львов где-то в Африке.

Замечаю место и примащиваю винтовку на деревянной подставке. Теперь главное – не спешить. Лицо над стволом превращается в крохотное белое пятнышко. Подвожу мушку, задерживаю дыхание и медленно спускаю курок. Бах! От выстрела в замкнутом пространстве звенит в ушах. Сверху обильно сыплются хлопья сажи. Вот об этом мы не подумали...

Отфыркиваюсь и берусь за бинокль. Снайпера не видно, но его винтовка упала за ствол дерева, приклад торчит вверх. Ни один стрелок так не бросит оружие. Попал... А это что? От дерева к германским окопам кто-то быстро ползет. Обычная форма цвета фельдграу. Наблюдатель, помощник снайпера. Правильно, один человек не в состоянии выискивать цели по всему фронту.

Перезаряжаю винтовку, кладу на подставку. Хотя цель перемещается, наводить легче – движущуюся мишень заметить проще. Бах! Очередная порция сажи. Беру бинокль.

Немец лежит неподвижно. Жду – не шевелится. Десять минут, двадцать. Нетребко в траншее напрасно толчет своим болваном. Все!

Вылезаю из печки, отряхиваюсь и во весь рост иду к своим. Из траншеи выглядывает Миша:

– Пашка, сдурел!

Не спеша прыгаю в траншею.

– Господин прапорщик, цель уничтожена!

– Обормот! – сердится он и вдруг достает зеркальце: – Взгляни на себя – чисто арап!

А ведь правда! Смеюсь. Белые зубы на черном лице...

– Умойся!

– Не стоит. Ночью навещу покойника, лицо не будет отсвечивать.

– Рехнулся?! Паша, я понимаю: хочешь вернуть офицерское звание. Только зачем рисковать? И без того доложу...

Плевать на ваше звание! Винтовка нужна! Авторам восторженных статей о мосинской трехлинейке сердечно желаю с ней и воевать. В сорок первом с ней набегались. Мы люди негордые, согласны на маузер с оптическим прицелом.

– Ты очень изменился, Пашка! Не узнать.

– Это как?

– Не обидишься?

– Валяй!

– Всегда был степенным, рассудительным. Сгоряча в драку не лез, держался позади. Я удивился, услышав про дуэль. Да что дуэль! На суде просил оставить в армии рядовым! Я думал, жалеешь...

– О чем?

– Ты рассказывал...

– Что?

– Отец оставил вас с матерью ради другой женщины. Ты учился в Англии, когда мать умерла. Ты вернулся и узнал, что отец обвенчался с разлучницей. Ее зовут Надежда Андреевна Сони́на, теперь уже Красовская. Ты разругался с отцом и записался в школу прапорщиков.

Понятно теперь, откуда родство с Розенфельдом. Отпрыск промышленника, оскорбленный явлением новых наследников, пошел на демарш. Однако, хлебнув окопных радостей, передумал. Папашка принял бы сына, но случился снаряд...

– У меня была контузия, Майкл!

Миша согласно кивает. Контузия все объясняет. Удобная вещь.

Когда темень накрывает линию фронта, выбираюсь из траншеи. Из проволочного заграждения вытащена секция, главное – на обратном пути не заблудиться. По сторонам оставленного мне коридора солдаты постреливают в сторону германских окопов. Выстрелы заглушают шаги. Ползти

по мокрой земле – занятие малоприятное, да и глупое. Пригнувшись, иду к поваленному дереву. В руке браунинг. Миша предлагал взять винтовку, но мы не идиоты. В кого целиться ночью? Здесь нужно, как Дубровский...

Немцы на выстрелы не отвечают. То ли экономят боеприпасы, то ли не пришли в себя. Днем не предпринимали попыток вытащить убитых, чему способствовала прицельная стрельба вольноопределяющегося. Убить мы их не убили, но напугали здорово.

Сапоги скользят по влажной земле, пару раз сваливаюсь в воронки, но без последствий. Вот оно – дерево! Осторожно перелезаю ствол, иду вдоль. Носок сапога задевает что-то мягкое. Он! Трогаю – холодный! Пистолет – в карман!

Первым делом забираю и закидываю за спину винтовку. Снимаю с трупа ремень с подсумками – без патронов никак! Обшариваю карманы, перемещая их содержимое в свои. Никаких эмоций – сотни раз проделывали. Законная добыча... Теперь наведем второго. У помощника винтовки нет, а вот подсумки с патронами... Очень кстати! Бинокль – еще лучше. Тот, что ссудил мне Миша, подлежит возврату. Будет свой. Что еще? Плоский винтовочный штык – не мешает. Содержимое карманов... Пора.

Показалось? Осторожные шаги со стороны немецких окопов. Бежать? Выстрелят на шум. В темноте попасть трудно, но пуля – дура. Затаиваюсь, браунинг в руке.

– Герр обер-лейтенант! Вас ист лоос?

Спрашивает, что случилось, голос тихий, испуганный. Это хорошо – робкие нам на руку. Молчим. Шаги осторожно приближаются. Привыкшие к темноте глаза различают на фоне неба согбенную фигуру. Винтовка за спиной, гость один и явно не настроен на схватку...

Пистолет – в карман, штык-нож покидает ножны. Ложусь на спину, тихий стон. Немец подходит, наклоняется:

– Герр обер...

Лезвие упирается в горло гостя:

– Рухэ!

Приказал вести себя тихо; мой немецкий плох, но меня поняли. Немец застыл, согнувшись, только кадык дергается. Не порезался бы! Медленно привстаю:

– Хенде хох! Фортверс, марш-марш!

Судорожный кивок – понял. Толкаю немца в сторону своих окопов. Перелезаем ствол дерева, топаем. Через десяток шагов он сваливается в воронку. Легкий вскрик, но его вряд ли слышат – немцы молчат. Помогаю бедолаге выбраться. Шепотом поясняю, что впереди еще воронка. Снова крикнет – капут! Кивает часто-часто. Спекся. Незаметно прячу штык в ножны – не понадобится. Быстрым шагом идем к своим.

– Стой, кто идет! – Клацанье затвора.

– Православные, братцы!

– Читай молитву!

– Отче наш, иже еси на небесех...

– Проходи!

– Со мной пленный, не застрелите с испугу. Он первым.

– Поняли, ваше благородие!

Немец сползает в траншею. Его мгновенно разоружают и обыскивают. Прыгаю следом.

– Пашка! Ты даешь! – Миша обнимает и тискает.

Мне б подремать...

Позднее утро, завтрак я проспал. Наказание – полкотелка остывшей каши и ломоть черного хлеба. Жую. Миша читает политинформацию – вводит в курс военных и политических событий. Третьеразрядная – в буквальном смысле, поскольку имеет третий класс – крепость Осовец вопреки всем ожиданиям стала главной на Восточном фронте. Меня это не удивляет: стратеги, планирующие войны, всегда ошибаются. Осовец не успели достроить: несколько фортов на пригорках не в состоянии прикрыть артиллерийским огнем десятков верст фронта. На этих верстах держит оборону пехота, в том числе Ширванский полк. Это единственный путь из Восточной Пруссии в тыл русским армиям на Варшавском направлении. По обеим сторонам полосы суши – болота и реки, армиям не пройти. Стоит германцу взять Осовец, как фронт в Царстве Польском рухнет. Более того, русские корпуса попадут в котел – так сгинула в Пруссии армия Самсонова. Поэтому немцы прессуют Осовец. «Прессуют» – мое слово, Миша таких не знает. Сначала непрерывно атаковали подступы к крепости, получили по зубам, в том числе и

от ширванцев, и подвезли тяжелые орудия. Калибр 16 дюймов, один снаряд тянет на 50 пудов. Бросали их, бросали – ничего не вышло! Более того, огнем русских пушек 16-дюймовки разбиты. Их увезли, но планы кайзера не изменились. На днях близ крепости поймали подозрительного мужчину. На допросе тот пояснил, что немцы послали к коменданту Бржозовскому с предложением: полмиллиона рублей за сдачу крепости. Парламентера повесили, но генерал-майор расстроен: его заподозрят в измене. Комендант – поляк по национальности. Миша спросил, знаю ли я, что сейчас вытворяют поляки?

Наслышан. Пилсудский пока не маршал, всего лишь офицерик Австро-Венгерской армии, воюет против России. Пан Юзеф решил, что немцы лучше русских, посему собрал легион. До 1 сентября 1939 года, когда в западном векторе придется разочароваться, маршал не доживет, а вот соплеменники лиха хлебнут. Однако ошибки не признают. «Яшче Польска не сгинела и сгинеть не мусить, яшче русак полякови чистить боты мусить...» Кто не понял: русские полякам почистят сапоги. Не знаю, как с сапогами, но с мордами получалось. В 1796, 1863, 1939-м. За поляками тоже не заржавело: в 1612-м, 1920-м...

Стишок о сапогах прочла нам пани Юзефа, когда мы завернули к хутору. Сухая, костистая, коричневая от солнца, она загородила дорогу во двор, как будто перед ней стояли не красноармейцы с винтовками, а босяки в лохмотьях. Честно

сказать, на босяков мы смахивали – месяц скитаний по лесам в тылу вермахта... Старушку следовало припугнуть, но сделать это никто не решился. Вперед вышел Сан Саныч, милый наш товарищ полковник. Щелкнул каблуками и вдруг выдал тираду на польском. Никто не думал, что он знает язык. Я не понял, что Саныч говорил, но начал он с «пшепрашем, пани»... Юзефа отступила, мы вошли во двор. Пока мылись, чистились, брились – Саныч насчет этого был строг, – старуха зарубила петуха, ощипала и сварила нам суп. Ничего вкуснее в жизни не ел! Голод – лучшая приправа. На прощание Юзефа дала нам каравай свежеиспеченного ржаного хлеба и толстый шмат сала – на два дня хватило. Полковник опять щелкнул каблуками и, склонившись, поцеловал морщинистую, коричневую руку. Юзефа заплакала и перекрестила нас – слева направо. Поляки – хорошие люди, если с ними правильно говорить. В 1945-м, когда союзники делили Европу, Черчилль возразил Сталину: «Львов никогда не был в составе России!» На что Сталин, пыхнув трубкой, заметил: «А Варшава была...»

Знаю ли я, кого застрелил? Где нам... Обер-лейтенант фон Мёлке, сообщил Миша. «Фон» так «фон», мне с ним детей не крестить. Обер – меткий стрелок, «снайпер» по моему выражению, на Западном фронте убил почти сотню союзников. Сюда прислан истреблять защитников Осовца, наводит среди них страх. Это поведал пленный, которого я привел. Миша доставил языка в штаб полка, там допросили.

Пленный – рядовой ландвера, то есть из запаса. Понятно, «мобилизованные мы!». Язык показал: к немцам прибыло подкрепление, со дня на день начнут наступать. Ввиду важности сведений языка той же ночью переправили в крепость. Заодно попросили подкрепления. Ширванцев слишком мало – не удержат фронт. Обещали прислать пулеметную роту.

– Снайпера убил, языка привел. Звание точно вернут! – Лицо Миши сияет.

Угу, догонят и еще раз вернут. Мы лучше маузер почи- стим. Вот те раз, шомпол короткий! Ну да, два коротких шомпола свинчивались в один, солдаты чистили винтовки по очереди. Экономный народ немцы! Второй винтовки в блиндаже не нахожу, выбираюсь в траншею. Нетребка важно разгуливает с маузером на плече. Без лишних слов забираю винтовку.

– Господин вольноопределяющийся, ваше благородие! – Он чуть не плачет.

– Зачем она тебе?

– Короче нашего ружья, удобнее!

– А патроны?

– Так у немцев были.

Ефрейтор считает трофеи общими: ну да, он помогал. Ро- юсь в карманах, достаю губную гармонику. Он расплывает- ся в улыбке и уходит, весело пиликающая. Как мало человеку надо! У нас занятие более серьезное – чистка оружия. Ак- куратно, без глупого усердия – канал ствола надо беречь.

Вот он сияет – ни царапинки! Внимательно рассматриваю трофей. Большая труба оптического прицела, он пятикратный – очень хорошо! Винтовочка явно не серийная: рукоятка затвора изогнута, а на карабине, изъятом у Нетребки, – прямая; труба оптического прицела закреплена слева, дабы не мешать заряданию; на ореховом ложе никелированная табличка. Гербовый щиток с готической вязью: «Фрайхер Иоганн Фридрих фон Мёльке». Табличку скovyриваю ножом: не люблю цацек на оружии. Пересчитываю патроны: 42. В магазине карабина, конфискованного у Нетребки, еще пять. Не густо. Винтовочку нужно пристрелять, чем и занимаюсь в знакомой лощине. В этот раз пули ложатся точно в круг. Гут!

Вечером прибывает пулеметная рота: к показаниям пленного в Осовце отнеслись серьезно. Нашей роте перепало два «максима»: Миша устанавливает их на флангах. Он немного нервничает, но распоряжается толково. Выставлено двойное охранение, проверены «лисы норы», где солдаты прячутся от артиллерийского огня, ручные гранаты (здесь зовут их «бомбами»), винтовки и другое снаряжение. Говоров мне нравится. Толковый командир – в Гражданскую, если доживет, поведет армию. Белую или красную – это как карта ляжет. Достая флягу с остатками спирта. Миша вначале хмурится: вдруг завтра бой, затем машет рукой: где наша не пропадала! Правильно. Если что, немцы разбудят.

– Очнись, солдат! Вставай!

Открываю глаза. Строгое лицо с седыми усами, паутинка морщин у глубоко посаженных глаз. На околыше фуражки – звездочка, в черных петлицах – три красных эмалевых прямоугольника. Полковник?

– Живой?

Киваю и сажусь. Полковник отступает и смотрит испытующе:

– Как звать?

– Не помню.

– Тогда помогай!

Вдвоем катим на пригорок пушку. Она маленькая, эта пушечка, и легкая, иначе нам бы не справиться. «Сорокапятка» – всплывает в памяти. Наверху полковник снимает лопату со станины.

– Как позицию готовить, помнишь?

Отрицательно качаю головой.

– Носи снаряды!

Спускаюсь к дороге. Убитые солдаты и лошади, еще одна пушечка, разбитая взрывом, разбросанные по сторонам плоские деревянные ящики. Откуда-то знаю, что в них снаряды. Беру по ящику в каждую руку и тащу в гору. Полковник копает, не обращая на меня внимания. Кладу ящики и

бреду вниз за новыми. Спустя час или больше – часов у меня нет – на пригорке вырыт оружейный окоп, ящики сложены слева от лафета, полковник маскирует бруствер дерном. Закончив, приникает к панораме и крутит маховиками наводки. Удовлетворенно крикает.

– Стрелять умеешь?

Снова отрицательно мотнул головой.

– А еще артиллерист!

– Память отшибло! Контузия...

Он внимательно смотрит на меня, достает из кармана пачку сигарет, протягивает. Курим, сидя на бруствере.

– Гляди! – Полковник указывает рукой с дымящейся сигаретой. – Справа болото и слева болото. Дорога посреди. С нашего пригорка просматривается на километр. Отличная позиция! Обойти невозможно, а мы отсюда достанем любого. Думаю, именно сюда вас послали, да только немец сверху заметил. В воздухе их самолеты, бомб и пуль не жалеют...

Нас? А он кто?

– Я по дороге шел. Гляжу: пушка целая и сержант шевелится. Грех такой случай упускать! Еда у вас есть?

Пожимаю плечами.

– Сходи, проверь!

Спускаюсь. В вещмешке убитого старшины нахожу буханку хлеба, банки консервов, пачки пшеничного концентрата. Тащу все на пригорок. Полковник прямо расцветает:

– Два дня не ел!

Он открывает плоским штыком банку, режет хлеб. Штык у него немецкий, как и винтовка, лежащая в стороне. Сигареты...

– Трофеи! – Он замечает мой взгляд. – Подкараулил отставшего немца. Последний патрон в нагане был...

Только сейчас замечаю кобуру на его поясе.

– Следовало наган выбросить! – вздыхает он. – Но жалко. Привык.

После еды вновь закуриваем.

– От самого Белостока иду! – говорит полковник. – А они все мимо и мимо! Машины, танки... Так хотелось врезать! Спасибо тебе, сержант!

За что? Издалека плывет гул моторов. Полковник прыгает к орудию:

– Будешь заряжать!

Открываю ящики. Снаряды маленькие, но тяжелые.

– Вот эти! – указывает полковник. – Бронебойные!

Казенник с лязгом глотает снаряд. Выглядываю из-за бруствера. Наша позиция – на пригорке, в километре напротив – склон, дорога по нему спускается в низину и поднимается к нам. Сейчас по склону ползет танк, тонкая пушечка развернута в нашу сторону. Из-за гребня появляется и ползет по дороге еще один и еще... Почему-то становится страшно. Чувство не мое, досталось от прежнего хозяина, но очень сильное. Чтобы отвлечься, начинаю громко считать:

– Один, два, три, четыре, пять...

Да сколько же их?!

– Одиннадцать, двенадцать, тринадцать...

Мама дорогая! Недолго быть мне сержантом! Привыкнуть к телу не успел.

– Шестнадцать, семнадцать!

Кажется, все.

– Нагло прут, без охранения. Вот и славно!

Это полковник. Он склонился к панораме, медленно вращает маховик наводки, но не стреляет. Первый танк миновал впадину между пригорками и теперь поднимается к нам. «Сорокапятка» стоит слева от дороги, мне хорошо видны черный крест на борту и лицо офицера, торчащее из люка командирской башенки. Несколько минут, и танк поравняется с нашей позицией. Немец нас пока не видит – пушечка низенькая, а полковник хорошо замаскировал позицию. Но с дороги окоп отлично просматривается.

Бах! Из казенника «сорокапятки» со звоном выскакивает латунная гильза.

– Заряжай!

Бросаю снаряд в открытое жерло, только потом выглядываю за бруствер. Передовой танк стоит неподвижно, но не горит. Никто из него не выскочил. Ствол нашей пушечки ползет левее и выше. Бах! Последний танк в колонне замер, свесив хобот пушки.

– Заряжай!

Бах! Бах! Бах!.. Еле успеваю бросать снаряды в ненасыт-

ное жерло «сорокапятки». В ушах звенит, дыхание забивают пороховые газы, но пушку надо кормить. Иначе железом накормят нас. Пустые деревянные ящики валяются вокруг станин, я хватаю со стопки все новые и новые. На дорогу смотреть некогда, но, похоже, там опомнились. За нашим окопом разорвался снаряд, другой, в промежутках между выстрелами слышу свист пуль над головой.

– Фугасный! Фугасный давай!

Ага, танкисты стали пехотой. Даю! Бах! Бах! Бах!..

– Еще!

– Нету! Кончились снаряды!

Полковник поворачивает черное от пыли и пороховых газов лицо. Мгновение сверлит бешеным взором, затем обмякает:

– Уходим, сержант!

Хватаем винтовки и скатываемся по обратной стороне склона. Успеваю бросить взгляд на дорогу: все семнадцать танков стоят неподвижно, некоторые горят. Меж бронированными машинами мелькают черные фигурки. Будет у немцев разбор полетов! Классическая огневая засада, ее часто применяли абреки. Поражаются первая и последняя машины колонны, остальные интенсивно обстреливаются, после чего – быстрый отход. Почти всегда без потерь нападавших.

– Бегом, сержант! Самолеты налетят!

Самолеты и вправду появляются, но кроны сосен уже сомкнулись над головами. Здесь нас не обнаружить, хорошее

место – лес. «Зеленка»...

Я не предполагал тогда, сколько буду скитаться в этой «зеленке». Немцы ушли вперед, следовало пробираться к своим, но полковник не спешил. Мы постоянно обрастали людьми: много потерявшихся и растерянных людей в военной форме бродило по лесам. Они с радостью приставали к любому, кто знал, что делать. Сан Саныч знал. Мы называли его полковником, хотя формально Саныч был военным инженером первого ранга, то есть подполковником. «Полковник» нам нравилось больше. Когда сил и боеприпасов набиралось достаточно, Сан Саныч устраивал немцам пакость. Вермахт катился вперед легко, фашисты расслаблялись. Полковник не упускал случая напомнить, что в пруду, помимо карасей, водятся и щуки. Мы громили оставшие тылы, склады; ударив, немедленно уходили. Потери несли огромные. Не столько убитыми и ранеными, сколько дезертирами. Осознав, что полковник не намерен вести их туда, где политрук, старшина и полевая кухня, многие уходили. Полковник не удерживал – невозможно. Ночь, лес, кто-то отлучился от костра... Через день-другой к нам приставали другие. Наши дезертиры попадали в плен, от них немцы узнали о «группе Самохина». Так рассказали захваченные нами языки. Сан Саныч допрашивал их сам – немецким он владел в совершенстве; тогда я еще не знал, почему. Обеспокоенные появлением диверсантов в тылу, немцы выслали айнзац-группу. Она шла по нашим следам упорно, как сво-

ра овчарок. Приходилось петлять, нередко после очередного удара полковник вел нас на запад, где группу никто не ждал, и мы затаивались на недельку. После одной такой лежки мы и вышли к хутору Юзефы...

Не сразу, но я понял: Сан Саныч не спешит к линии фронта. Меня это смущало, я спросил напрямик. В ту пору мы как раз остались вдвоем: приставшие бойцы разбежались. Полковник пожал плечами:

– Зачем мне туда?

Видимо, мое лицо выдало чувства, потому что Сан Саныч поспешно добавил:

– 17 июня меня арестовали...

В тот день мы говорили дотемна, а потом – до рассвета. Полковника словно прорвало, я ему внимал. Военный инженер фон Зейдлиц – Самохиным он стал позже – поступил в Российскую императорскую армию еще до Первой мировой. При царе успел стать штабс-капитаном, но потом планы разрушила Февральская революция. Армия стремительно разваливалась, офицеры и солдаты разбежались в разные стороны, фон Зейдлицу бежать было некуда. Приставка «фон» к фамилии говорила о происхождении, но не богатстве: военный инженер жил на жалованье. Без особой охоты, но и душевных мук Сан Саныч вступил в Красную Армию – здесь одевали и кормили. Это было в традициях семьи. Фон Зейдлицы перебрались в Россию в восемнадцатом веке и с той поры верно служили стране, мало обращая внимание на по-

литику верхов. Большевики захватили власть в ходе государственного переворота, но перевороты случались и ранее.

Строго говоря, мятежниками в то время были добровольцы, бежавшие на Дон. Фон Зейдлиц им сочувствовал, но убеждений не разделял.

– Среди них не было помещиков и капиталистов, как писали потом ваши, – рассказывал полковник. – Офицеры вроде меня, жившие на жалованье, юнкера, гимназисты... Антон Иванович Деникин, к вашему сведению, вообще сын крепостного. Его отец, забритый в рекруты, дослужился до майора, но сын его дворянства не получил, учился на медные деньги. Корнилов, Алексеев, Кутепов, Краснов – никто из них не был богат. Богатые убежали за границу еще до Гражданской...

В Красной Армии фон Зейдлиц взял фамилию матери и стал Самохиным – поменять имя было несложно. Служил добросовестно, но в боях не отличился – инженер. По окончании Гражданской строил военные объекты: сначала линию укреплений на старой границе, после 17 сентября 1939 года – на новой. Слышал ли я о генерале Карбышеве? Я ответил, что слышал, но не стал уточнять подробностей. Замученный немцами советский генерал, попавший в плен и облитый водой на морозе... Самохин служил под началом Карбышева, замечательного человека и офицера! К сожалению, он не спас Самохина, когда случилась беда. Не смог спасти. Постройка укреплений на новой границе отставала

от графика. Как всегда бывает в таких случаях, искали виновных. Нехватка материалов, рабочей силы, оборудования никого не интересовала – требовались жертвы. Военный инженер первого ранга, служивший в царской армии и некогда носивший немецкую фамилию, на такую роль подходил как нельзя лучше. Самохина арестовали 17 июня, а 22-го случилась война. Эвакуация, этап, воздушный налет, побег... Пояс с наганом и фуражку Самохин позаимствовал у погибшего конвойного. Гимнастерка с петлицами осталась у Сан Саныча собственная, – пока командир Красной Армии не осужден, никто не смеет снять с него знаки различия...

Спешить Сан Санычу за линию фронта было незачем. Там его ждали допрос и суд – скорый и неправый. Немец, не достроивший линию укрепления, которую фашисты прошли, как нож сквозь масло, великолепно подходил на роль шпиона и предателя. Я не удержался и спросил: почему он воюет за СССР? Почему не перешел на сторону немцев? Его бы приняли с распростертыми объятиями. Сан Саныч обиделся:

– Молодой человек, я давал присягу! Фон Зейдлици всегда ей верны. – Он помолчал и добавил: – Наверное, дело в крови. У русских царей ко времени Николая II в жилах текла сплошь немецкая кровь. У фон Зейдлицев – наоборот: все женились исключительно на русских. Так что я Самохин – по происхождению и убеждениям. Фашисты топчут мою землю, убивают моих соплеменников, и я не могу стоять в сто-

роне, – он помолчал и добавил: – А вы, сержант, ничего не расскажете?

Я растерялся. Чего он хочет?

– Мне надоел человек, изображающий потерю памяти! Сержанты, призванные из запаса, так не воюют. Кто вы на самом деле?

Я застегнул воротничок гимнастерки:

– Старший лейтенант Российской армии Петров! Вячеслав Анатольевич...

– Какой армии? – удивился он.

– Российской, товарищ полковник!..

Бам! Бам!.. Земля вздрагивает от разрывов, с перекрытия блиндажа сыплется земля. Взрывной волной сорвало брезентовый занавес входа, внутрь вливается серый рассвет.

– Артподготовка! – Сергей не замечает, что кричит. – Наступление!

Застегиваю ремень с подсумками, снимаю со стены маузер.

– погоди! – останавливает он. – В блиндаже безопаснее.

– Мне надо в печку!

– Зачем?

– Оттуда лучше целиться!

– Тебя накроют первым же снарядом!

– Они бьют по траншеям, печки им не интересны.

Миша смотрит недоверчиво.

– Я буду стрелять в офицеров! Из траншеи неудобно!

Он отступает. Выбегаю наружу и, петляя, мчусь к бывшей деревне. Петлять глупо: пушки стреляют по площадям, а не отдельным фигурам, но инстинкт не переломить. Уф, вот мы и дома! Глиняный свод русской печки – плохая защита от снарядов; откровенно говоря, совсем никакая, но на душе спокойней. Как ребенку, говорящему: «Я в домике!»

Достаю бинокль. Наши траншеи затянуты дымом, время от времени взрывы поднимают в воздух тонны земли. Все реже и реже – артподготовка стихает. Постепенно рассеивается и дым. Передний край не узнать: воронки, разметанное проволочное заграждение. В траншеях появляются серые папахи – Говоров поднял людей. Не похоже, чтоб число их сильно убавилось. В траншеях полного профиля, блиндажах и «лисых норах» гибнут только от прямого попадания – то есть редко.

Перевожу взгляд на немецкий край. Там, клубясь, выплескиваются наружу серо-зеленые цепи. Твою мать, да сколько их! Уж мы вас душили, душили; душили, душили... Сколь-жу окулярами по фронту немецкой пехоты. Есть! Второй, третий... Цвет формы у солдат и офицеров одинаковый, но офицеры без винтовок. Да и руками размахивают...

Пехота тронулась. Идут неспешно, выставив перед собой штыки. Ландвер! Это ж вам не парад. Пора! Целюсь. Бах –

есть! Бах – второй! Обойма кончается быстро, вставляю новую. Бах!.. Гильзы сыплются на глиняный под печи, раскачиваются в стороны. В германском строю падают и солдаты – это ведут огонь ширванцы. Неплохо стреляют, но немцев – туча! Пулеметы пока молчат. Ну, еще!

Офицеров больше не замечаю – стреляю в первого, кто покажется мало-мальски на него похожим. Наконец, заговорили пулеметы. Цепь атакующих заколебалась и устремилась обратно. Быстро-быстро, много скорей, чем наступала. Прыгают в свою траншею – кончилось наступление! Немец – хороший солдат, его учат воевать долго и безжалостно. Без слепого повиновения не выучить, но в этом повиновении кроется слабость. Если командир убит, солдат быстро соображает, что жизнь у него одна...

Выбираюсь из печки, иду к своим. Я расстрелял три обоймы, пятнадцать патронов. Всего-то. Третью наверняка мимо – под конец лупил почти навскидку. Однако наша доля в этой победе есть. Пулеметы на флангах роты не умолкают – бьют по цепям, наступающим на других участках. Если немцы там прорвутся, здесь будет кисло: дойдет до штыковой. Немцев впятеро больше....

Бог миловал – германец откатился по всему фронту. Наверняка повлиял пример побежавшего первым батальона. Миша уверен: против нас шел батальон, не меньше, и остановил его я. Поправляю:

– Стреляли все!

– Германских офицеров убил ты! – возражает он. – Не спорь, в бинокль видел – падали один за другим. Какое войско без начальника? Вот батальон и побежал.

Миша садится сочинять донесение, я бездельничаю. Выпить бы, да нечего. Ни один солдат перед боем не станет сохранять выпивку, потому как есть основания полагать: ею воспользуется другой. Во всех войнах, которые пришлось на мою долю, выпивку достать было можно. Здесь – сухой закон. Эту войну Россия проиграет...

Донесение отправлено с нарочным, занимаемся ранеными. Их немного, как и убитых, но в роте каждый человек на счету. Мертвых хороним, заупокойную читает Миша – полковой священник убыл по ранению. Раненых отправляем в тыл. Настает время обеда, и его – о, чудо! – доставляют к траншеям. В отличие от выпивки, кормят здесь славно. Немцы настолько подавлены неудачей, что не стреляют. Не успел поесть, как вызывают в штаб полка: начальник не поверил донесению. Подробно рассказываю полковнику и офицерам, как воевал, демонстрирую винтовку и даже содранную табличку с именем снайпера – завалилась в кармане. Табличка производит впечатление большее, чем рассказ. Полковой командир обещает доложить обо мне генералу Бржозовскому.

К вечеру из штаба приходит посыльный: вольноопределяющемуся Красовскому утром прибыть в крепость. Опять допрос! Мысленно желаю Мише здоровья, но поздно. С рассветом придется в путь. До крепости топать и топать...

Адъютант влетает в кабинет встрепанный:

– Ваше превосходительство! Только что телефонировали!

Царский поезд – на станции Белосток! Государь император со свитой пересел в автомобили и, самое позднее, через час будет в Осовце!

Начальник крепости белеет и машинально одергивает мундир. Гм, а мне генерал понравился. Решительный, боевой. Что ж бледнеет? Начальства боимся больше, чем немцев?

– Почему не уведомили заранее? – морщится Бржозовский.

– Государь в Белостоке проездом – следует в Гродно. Изъявил желание внезапно. Окружение государя возражало: крепость простреливается насквозь, однако император настоял. Велеть построить личный состав?

– А если обстрел? Людей погубим.

Ай да генерал! Молодец, людей жалеет. Что до императора... Его сюда не звали.

– Прикажете собрать героев? Государю представить.

– Здесь каждый – герой, – бормочет Бржозовский, – все под огнем. Впрочем... Гляньте последние донесения и соберите, кого найдете. Вот! – указывает на меня. – Один уже есть. Займитесь этим, голубчик, а я – встречать!

Спустя полчаса на искалеченной разрывами площади перед канцелярией коменданта стоят взвод почетного караула от инфантерии и герои. Десятка полтора артиллеристов и несколько приبلудных, среди которых и я. Понятно: батареи – в самой крепости, позиции пехоты – далеко, за полчаса не вызовешь. Среди артиллеристов только двое – офицеры, остальные – нижние чины. У хорошего генерала и командира хорошие – не забыли о солдатах. В моем времени отцы-командиры не преминули бы распилить ордена. Фронтвикам перепали крохи. Получить медаль или крестик от царя для парня из деревни или глухого местечка... У-у, как зауважают!

Ждем, но царя все нет – наверное, осматривает окрестности. Глянуть есть на что. Площадь внутри крепости буквально перепажена разрывами. Воронки засыпаны – и не по первому разу, а вот разбитые здания не восстанавливали – рук не хватает. Саперы при первой же возможности исправляют укрепления и форты. Несмотря на ремонты, выглядят укрепления ужасно. Снаряд калибра 42 сантиметра – он и в начале XX века 42 сантиметра...

Все входы и выходы на площадь, а также в здания заняты молодцами в штатском и шинелях с краповыми петлицами и васильковыми кантами. Жандармы и агенты царской охраны. Действуют они сноровисто. Думал, станут нас обыскивать, но своим солдатам царь доверяет. Офицер же за попытку обыска может и в морду дать. Даже маузер мой не отобра-

ли, покосились только. Винтовка не заряжена, но патроны в подсумках.

Дождались: на площади появляется группа авто. Пассажиры выходят. Золото погон, блеск шнуров аксельбантов, мельканье лент орденов свиты. Если б немцы так рядились, оптический прицел не понадобился бы. Впереди шагает среднего роста, невысокий худощавый полковник в солдатской шинели и фуражке, рядом с ним – комендант, генерал Бржозовский. Царь...

Николай останавливается перед строем:

– Здорово, молодцы, защитники Осовца!

– Здравия желаем, ваше императорское величество!

Рявкнули неплохо, хотя не очень стройно. Ну, так без тренировки. Николай идет вдоль строя, останавливаясь перед каждым. Я стою на левом фланге, так что буду последним. Бржозовский докладывает:

– ...Несмотря на большие потери, батарея продолжала отвечать на огонь противника и подавила его. Штабс-капитан Овечкин проявил исключительную храбрость...

Доклады похожи, как близнецы, что не удивительно. По тебе стреляли, ты отвечал. Не спрятался, не убежал – уже герой. Без всякой иронии. Кто не верит, предлагаю посидеть под артиллерийским налетом... После каждого доклада царь протягивает руку, адъютант вкладывает в нее награду. Один из офицеров получает орден Святого Георгия IV класса. Такими орденами в России не разбрасываются – в самом деле,

герой. Даже в квадрате: на эфесе шашки артиллериста медальон с белым крестиком и полосатый темляк желто-черных цветов. Золотое, то есть Георгиевское, оружие. Солдаты получают Георгиевские кресты и медали, нижним чинам орден на не положены. У половины артиллеристов это уже не первый крестик. Разглядываю августейшую особу. Эмоций никаких: будто я в музее, и экспонаты здесь двигаются. К тому же Николай II не Петр I. Невысок, лицо учителя сельской школы. Ему бы в такой должности и пребывать – возможно, спас бы семью. Ладно, сам сгинул вместе с немкой своей отороженной, так ведь дети! Большой мальчик и четыре девочки – юные, не целованные. А их – штыками!..

Николай останавливается напротив меня. Грустные, усталые глаза.

– Вольноопределяющийся Ширванского полка Красовский, – докладывает комендант. – Проявив находчивость, застрелил германского обер-лейтенанта, меткого стрелка, специально присланного для истребления защитников крепости. Оный стрелок убил нескольких офицеров Ширванского полка и много нижних чинов. Кроме германского офицера, вольноопределяющийся застрелил и его помощника. Ночью пробрался на позиции противника, забрал оружие убитых, а также захватил и привел пленного, который сообщил о предстоящем наступлении германцев. Мною были предприняты меры, наступление отражено. Вольноопределяющийся отличился и здесь: метким огнем из германской винтовки с теле-

скопическим прицелом застрелил всех офицеров наступавшего против его роты германского батальона, вследствие чего противник обратился в бегство.

– В самом деле? – Николай удивлен.

Бржозовский смотрит на меня. Снимаю с плеча винтовку. Охрана царя напрягается, но я протягиваю ее Николаю.

– Взгляните, ваше величество! С таким прицелом за версту можно подстрелить врага.

Царь берет винтовку, поднимает и смотрит в прицел. Многозначительно кивнув, возвращает. Я протягиваю табличку:

– Германцы выделяют такие винтовки специально для метких стрелков. Вот и нам бы! Скольких бы перестреляли!

– Барон фон Мёльке! – задумчиво говорит Николай, разглядывая табличку. – Интересно, из каких это Мёльке?

Мое предложение он словно не заметил. Возвращает табличку:

– Чем занимались до войны, вольноопределяющийся?

– Учился коммерции в Лондоне.

Он поднимает брови.

– С началом войны вернулся в Россию и поступил в школу прапорщиков. Выпущен в Ширванский полк в марте сего года в офицерском чине.

Брови лезут еще выше. Бржозовский морщится: не следовало говорить. Да ладно, пусть знает!

– Разжалован военным судом за дуэль с князем Бельским.

Николай протягивает руку, адъютант вкладывает в нее серебряный крестик. Царь прикрепляет его к моей шинели. Отступает:

– Хотел поздравить вас подпоручиком, но, поскольку вы разжалованы, верну прежний чин. Поздравляю прапорщиком!

– Рад стараться, ваше императорское величество!

Едва свита отошла, подлетает какой-то юркий тип в штатском и с блокнотом в руках:

– Господин прапорщик, примите и мои поздравления! Репортер газеты «Русские ведомости» Подколзин. Разрешите парочку вопросов? Наш читатель интересуется героями Отечества!

– В самом деле?

– Не сомневайтесь! Как вы убили столько германцев?

– Целился и стрелял.

– Вы веселый человек, прапорщик! – он хихикает. – Я понимаю. Скольких германских офицеров вы застрелили?

– Не считал.

– Сколько офицеров в германском батальоне?

– Не знаю. В нашем примерно пятнадцать. Если полный штат.

– Сколько раз вы стреляли?

– Пятнадцать.

– Благодарю, прапорщик! – Он улетает...

Неделю скучаем в окопах. Германец после полученного

урока более не наступает, даже не делает попыток. Наоборот – окапывается и строит укрепления. Мы занимаемся тем же. Поскольку я снова офицер, то руковожу работами – проще говоря, гоняю солдат. Последствия артподготовки давно ликвидированы: укреплены стенки траншей, поставлены новые проволочные заграждения, исправлены блиндажи и открыты «лисьи норы». Более не требуется, но мы продолжаем копать. Миша боится, что солдаты обленятся или попадут под нехорошее влияние. В соседнем полку нашли подрывные брошюры, после чего поступило указание: занимать солдат работами. Не копают только офицеры и денщики. У Говорова – это Хвостов, у меня – Нетребка. Хитрый болванчик, услышав о моем производстве, прибежал проситься, и я не смог отказать. Нетребка очень старается. В моем блиндаже – у меня теперь есть персональный блиндаж – чисто, тепло и сухо. Меня вовремя кормят, пища всегда горячая. Нетребка расстарался насчет выпивки: с моего разрешения отлучился в Белосток и вернулся с четвертью водки. Жидкость отдает сивухой и дерет горло, от нее болит голова. Но другого в прифронтовой полосе не достать: винокуренные заводы закрыли еще в 1914-м. Тоска...

Меня вызывают в штаб полка. В просторном блиндаже, помимо полкового командира, двое офицеров с эмблемами летчиков. Одного узнаю: поручик Рапота. Сергей улыбается и подмигивает украдкой. Второй летчик в звании штабс-капитана. Знакомимся: начальник крепостного авиаотряда

Егоров. Штабс-капитану за тридцать, он высок, строен и широк в плечах. Мужественное лицо с глубокой ямкой на подбородке, щегольски закрученные усы, умные глаза.

– Читали, прапорщик? – Полковник протягивает газету. Статья на первой странице обведена карандашом. Грифелем подчеркнуты строки во второй колонке.

«...В числе героев-защитников Осовца Его Императорскому Величеству был представлен вольноопределяющийся Красовский, выказавший беспримерную храбрость и находчивость в боях. Застрелив германского обер-лейтенанта, вольноопределяющийся завладел его оружием – винтовкой с телескопическим прицелом. Когда германцы пошли в наступление, вольноопределяющийся из этой винтовки в одиночку убил пятнадцать офицеров батальона противника, после чего германцы, устранившись за свои жизни, позорно бежали. Его Императорское Величество пожаловали вольноопределяющемуся Георгиевский крест и поздравили прапорщиком. Растроганный герой со слезами на глазах облобызал руку самодержца...»

– Вранье! – Едва удерживаюсь от желания порвать газету.

– Что? – это Егоров.

– Не лобызал я руку! Тем более со слезами.

– А германские офицеры?

– Пятерых я точно подстрелил, но столько... Этот... – от возмущения не нахожу слов. Неужели шелкоперы одинаковы во все времена? – Он спросил, сколько раз стрелял, я от-

ветил: пятнадцать. Я не говорил, что столько убил...

– Одного с трех патронов – отличный результат! – заключает Егоров. – Мне говорили, у вас «бреве» авиатора. Можно взглянуть?

Достаю синюю книжечку. Штабс-капитан внимательно читает и протягивает обратно:

– Годится!

Недоуменно смотрю на полковника.

– Штабс-капитан Егоров ходатайствует об откомандировании вас к нему, – поясняет полковник. – Авиатрою очень нужны летчики-наблюдатели и меткие стрелки одновременно. От авиаторов нам большая польза, но, честно говоря, я в затруднении: в полку нехватка в офицерах. Пополнение обещали, но пока нет. Решайте сами, господин прапорщик!

– Поручик рекомендовал вас лучшим образом, – добавляет Егоров, указывая на Рапота. – Хочет в свой экипаж – у него погиб наблюдатель. Согласны?

Задумываюсь. Я сдружился с Говоровым, да и солдат узнал. Однако сидеть в окопах... Бои у крепости стихли, судя по всему, надолго. Нынешние летчики летают на гробах с колесиками и без парашютов – их или нет, или еще не изобрели. Не задержусь. Это с одной стороны. С другой – падать с высоты и при этом гореть... Впрочем, предшественника наверняка застрелили.

Три офицера терпеливо ждут. Сергей за спиной Егорова энергично делает знаки.

– Могу я взять с собой денщика?

– Извольте! – пожимает плечами полковник.

– Я согласен!

Штабс-капитан жмет мне руку. Ладонь у него маленькая, но пожатие сильное. Козыряю и выхожу. Следом вылетает Рапота:

– Павел, как я рад! Опять вместе!

Угу. Надеюсь, князя близ отряда не водятся. Появляется Егоров:

– Документы готовят, поторопитесь со сборами, господин прапорщик! Автомобиль ждет.

Нам собратся – лишь перепоясаться...

6

Представьте большую калошу с острым мыском. Только калошу не резиновую, а выклеенную из деревянного шпона. Называется она гондолой. В калоше достаточно места для двух человек – второй сидит за первым – и мотора «Сальмсон». Мотор позади, потому что винт толкающий. Снизу к калоше приделано полотняное крыло, еще одно парит над гондолой. Фермы из тонких труб бегут от корпуса назад и заканчиваются хвостовым оперением. Калоша имеет шасси – четыре колеса, причем передние – как у велосипеда, со спицами. Это «Вуазен» – новейший аэроплан французской системы, разведчик и «бомбоносец» в одном лице. Лучший на сегодняшний день самолет. Истребителем «Вуазен» пока не считается – по причине отсутствия такого понятия, как «истребитель».

Удивительно, но эта калоша летает. Сергей уверяет, что замечательно. В доказательство меня усаживают позади поручика Рапоты, а механик ручкой, как у автомобиля, заводит мотор. Калоша, подпрыгивая, бежит по полю и взмывает в воздух. «Взмывает» – это слишком оптимистично, правильнее сказать: вползает. Крейсерская скорость чуда конструкторской мысли – около ста километров в час, до которых еще нужно разогнаться. Мотор за спиной ревет, радиаторы охлаждения позади моей головы, как крыша дома. Если в них по-

падет пуля, мне будет хорошо. Тепло и сыро. Даже слишком тепло...

В детстве я часто видел сон. Я на высокой фабричной трубе, на самой верхушке. Как я попал туда – непонятно, но теперь лихорадочно пытаюсь слезть. В результате срываюсь, падаю – и просыпаюсь. Примерно такое же чувство сейчас. Я не боюсь самой смерти, но мне важно, какой она будет. Падать с высоты жутко...

Рев мотора не дает возможности делиться чувствами. В гондоле летящего аппарата общаются жестами и записками. Блокнота с карандашом у меня нет, остается расслабиться и получать удовольствие. Осторожно выглядываю за борт гондолы. «Буазен» кружит над аэродромом. Хорошо видны полотняные палатки-ангары для аппаратов, сараи отрядного обоза и мастерской, в отдалении видны домики местечка, где разместились квартиры офицеров и казарма нижних чинов. Рядовых и унтер-офицеров у нас много: механики, мотористы, шоферы и обозные возницы, денщики офицеров и просто солдаты – ставить и снимать ангары, охранять самолеты. Аэроплан положено хранить в сухом месте – от влаги намокают полотняные крылья, да и дерево силового каркаса коробится. Лак, которым они покрыты, не всегда спасает. Потому авиаторы не летают в дождь, опасаются заходить в облака: можно потерять ориентировку. Чудо техники! Другой нет. Это первая война, в которой авиация воюет.

«Буазен» заходит на посадку. Внезапно выключается мо-

тор, и мы планируем в полной тишине, если не считать свиста ветра в расчалках крыльев аэроплана.

– Славный аппарат! – кричит Рапота восторженно. – Сам садится!

«Буазен», и в самом деле, легко касается колесами земли и после короткого пробега останавливается. К нам бегут. Не дожидаясь специальной лесенки, выбираюсь из гондолы. На мне кожаная куртка и авиационный шлем, обтянутый коричневой клеенкой. А вот сапоги свои: нужного размера ботинок не нашли. Фельдфебель обещает раздобыть в скором времени. Снимаю шлем и авиационные очки. Без них в воздухе нельзя – кабина открытая.

– Отчего заглох мотор? – это моторист. Он запыхался и дышит тяжело.

– Я выключил! – успокаивает Сергей. – Хотел показать прапорщику планирование.

– А если б ветер? – это Егоров. По нему не видно, чтоб бежал, но штабс-капитан появился одновременно с механиками. – При неработающем двигателе хватило бы порыва. Сергей Николаевич, сколько можно?

– Виноват, Леонтий Иванович!

По лицу Рапоты не видно, что раскаивается. Похоже, выговоры для него привычны.

– Что скажете, Павел Ксаверьевич? – Егоров смотрит на меня. Впервые ко мне обращаются не по званию. Это знак.

– Надо оснастить сиденья привязными ремнями.

Сергей морщится, на лице штабс-капитана немой вопрос.

– Однажды поручик Рапота уже выпал из гондолы. Если это случится на высоте, я не смогу посадить аппарат – нет опыта и навыков. Аппарат сломается, а это убыток казне. К тому же аэропланов у нас мало. Мы должны воевать.

Егоров смотрит испытующе, но на моем лице только забота о матчасти. На собственную жизнь нам плевать, и это правда. Трусов здесь не любят – впрочем, как и в любой другой армии, но пусть кто скажет, что Красовский – трус! Про дуэль с князем знают не только в крепости.

– Резонно! – заключает штабс-капитан. – Синельников!

Немолодой механик выступает вперед. Егоров обращается к нему:

– Слышали?

– Так со склада взять и поставить, – степенно говорит Синельников. – Ремни были, их благородие велели снять.

– Верните на место! А навыки... – штабс-капитан делает паузу. – Будем восстанавливать, Павел Ксаверьевич!

Сергей надувается. Улучив момент, отвожу его в сторону, объясняю: боюсь высоты, а просить ремень только себе – стыдно. Серега мгновенно оттаивает. Наличие ремня не обязывает пристегиваться. Подхожу к Синельникову. Выслушав мою просьбу, он задумывается:

– Винтовочку вашу можно?

– Денщик принесет. Осторожней с прицелом – хрупкая вещь.

– А вы снимите! – советует Синельников.

Резонно. Винтовку придется заново пристрелять, но штабс-капитан обещал целый ящик патронов. Здесь говорят не «патронов», а «патрон». Откуда в авиаотряде боеприпасы калибра 7,92, остается только гадать.

Фельдфебель приглашает обедать. Фамилия у него смешная: Карачун. Фельдфебель заведует хозяйством отряда, тяготы и лишения военной службы отразились на нем своеобразно: за щеками Карачуна не видно шеи – вернее, того, что ею считается. Тело каптенармуса избавилось от излишней части, прирастив голову сразу к плечам. Кормят авиаторов сытно и вкусно, я успел оценить. Солдатам тоже перепадает. Нетребка это заметил, теперь обещает за меня молиться. Он безмерно счастлив переместиться из окопов, где холодно, сыро и смерть бродит рядом, в этот рай. Однако рай здесь мнимый. Войну крепостной авиаотряд начал с десятью штатными авиаторами, осталось четверо. Я не в счет. Трое погибли, двое пропали без вести, один убыл по ранению. Среди нижних чинов тоже потери. Артиллерия противника пока не достает до летного поля, но аэропланы бросают бомбы. Плюс аварии случаются... Сразу за аэродромом – кладбище, крест с пропеллером на нем не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.